

Дарья Донцова

Любовь - морковь и третий лишний

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Донцова
Любовь-морковь
и третий лишний
Серия «Евлампия Романова.
Следствие ведет дилетант», книга 17

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127046

*Любовь-морковь и третий лишний. Д.Донцова. Роман.: ЭКСМО; М.;
2006
ISBN 5-699-14659-8*

Аннотация

Голову даю на отсечение – каждому из вас хоть раз хотелось выступить на сцене и сорвать шквал аплодисментов! А мне, Евлампии Романовой, представилась эта потрясающая возможность! Дело было так: меня попросила выйти вместо нее на подмостки Жанна, актриса театра «Лео». И не думайте, что я совсем завралась! Никто бы не заметил подмены: роль горничной была без слов, а все актеры в этой странной пьесе играли в масках. И вдруг прямо во время спектакля скончалась известная театральная прима Тина Бурская. Все уверены – убийца Жанна. Именно она подала Тине сосуд с водой. Лишь я одна точно знаю, что Жанна невиновна. Ведь отравительница под маской – это я!

Что же делать? Уносить ноги?! Но я решила поступить в точности наоборот – прыгнуть в самое пекло...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	44
Глава 5	62
Глава 6	74
Глава 7	88
Глава 8	101
Глава 9	117
Глава 10	130
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Дарья Донцова Любовь-морковь и третий лишний

Глава 1

Жизнь дается человеку только один раз, потому что во второй никто ее не выдержит. Сия мысль пришла мне в голову ровно в восемь тридцать утра на относительно небольшой улочке, на перекрестке около супермаркета «Мечта гурмана». Глядя в полной безнадежности на красный сигнал светофора, я понимала, что надежды устроиться сегодня на новую работу испаряются столь же быстро, как кусочек паштета, украденный утром пронырливой мопсихой Капой со стола. Тот, кто уже встречался со мной, хорошо знает, что, имея в кармане диплом арфистки, я никак не могу найти достойную службу, практически перебиваюсь случайными заработками. Мои родители в свое время постарались дать любимой единственной дочери отличное образование. Мама, оперная певица, нажала на нужные кнопки, и ее не особо талантливая дочь поступила в консерваторию, кою я без всякого блеска закончила в срок. Мама в принципе рассудила правильно: если чадо категорически не способно к наукам, то его следу-

ет обучить достойному ремеслу, пусть дочь получит возможность заработать себе на кусочек хлеба, а уж маслище, сыр и икорку к нему принесет любящий муж. Мамуля, практически бросившая свою карьеру ради меня и папы, наивно полагала, будто счастье женщины в семье, работать надо лишь по двум причинам: чтобы с гордо поднятой головой заявить: «Я вполне самостоятельна» – и еще обладать возможностью продемонстрировать новую шубку. Поэтому профессия арфистки показалась ей наиболее пригодной для дочурки. Но, увы, благими намерениями вымощена дорога в ад. Времена сильно изменились, девушки, мягко говоря, «за тридцать», способные перебирать струны здорового агрегата, оказались не слишком востребованы на рынке труда страны, стихийно въехавшей в фазу дикого капитализма. И теперь я постоянно ломаю голову: ну где найти работу?

Увы, в моей анкете сплошные минусы. Первый – это возраст, те, кому исполнилось, хм, тридцать пять, хорошо меня поймут. Увидев даму, перешагнувшую рубеж пресловутого бальзаковского возраста, кадровики мигом навешивают на лицо мрачное выражение и сообщают:

– К сожалению, вакансия занята, мы только вчера взяли человека.

Еще никому из нанимателей не нравятся отрицательные ответы на вопросы анкеты. «Наличие семьи? – Не замужем. – Знание иностранных языков? – Не владею. – Умение пользоваться компьютером? – Не умею». Ну и так далее.

Неделю назад Сережка, придя домой, нашел меня в слезах с очередным вопросом на устах:

– Ну почему я опять пролетела, как фанера над Парижем?

– Дура ты, Лампа, – сказал парень, – ну кто же про себя правду в вопросниках пишет. Ясное дело, никогда на службу не возьмут незамужнюю тетку с полным отсутствием всяких навыков.

– И что делать? – плаксиво поинтересовалась я.

– Зачем тебе хомут? – пожал плечами Сергей. – Проблем с деньгами особых нет, веди домашнее хозяйство, готовь котлеты.

Я вздохнула.

– Скоро Двадцать третье февраля, а потом Восьмое марта, надо покупать сувенирчики Кирюшке, Катюше, Лизе, Юлечке...

– Эка задача! – засмеялся Сережка. – У тебя же заначка есть.

Действительно, в шкафу в моей спальне лежит большая коробка из-под печенья, играющая в нашей семье роль сейфа, я торжественно складываю туда все сэкономленные деньги и совершенно спокойно могу вытащить сейчас из «ячейки» нужную сумму на мелочи. Но, согласитесь, очень странно покупать человеку подарки на его же деньги, лично я в последнее время ничего на «счет» не вносила. Радио «Бум», где мне так сладко работалось ведущей, перешло к другому владельцу, который моментально уволил всех преж-

них сотрудников. Правда, у меня есть небольшая сумма, полученная при увольнении.

– Нет, – воскликнула я, – мне нужна работа! Срочно!

– Вот глупости! Сиди дома!

– Не хочу.

– Твое упрямство – отвратительно! – рявкнул Сережка.

– Может, и так, но я к нему привыкла, и, в конце концов, это мое упрямство, – шмыгнула я носом.

– Еще заплачь! – обозлился Сергей.

– Очень хочется, – призналась я. – После тридцати пяти жизнь не заканчивается, или мне пора ползти на кладбище? Ну не все же женщины молоды и обладают универсальными знаниями!

– Нет, конечно, – ухмыльнулся Сергей, – полно идиотов, которые даже телефоном не способны воспользоваться. Вот сегодня я был в одной конторе, пообщался с менеджером, полный мрак! Представляешь, попросил: «Дайте адрес». А тетка мне начала диктовать: «Индекс...» Я ее перебиваю: «Мыло!» Дальше следует изумительный диалог.

– Какое мыло? Впрочем, в туалете есть жидкое!

– Е-мейл!

– Что?

– Электронный адрес!

– Какой?

Сережка набрал полную грудь воздуха и, старательно дер-

жа себя в руках, объяснил:

– Хочу переслать письмо по компьютерной почте!

Тетка раздраженно воскликнула:

– Так бы сразу и говорили, что нужен адрес со щетками!

– С чем? – изумился до крайности парень. – С какими щетками?

Менеджер снисходительно глянула на собеседника, потом ткнула пальцем в экран:

– Вот. Надо учиться владеть техникой, вон они, щетки.

Сергей уставился на монитор и, забыв про хорошее воспитание, захохотал во весь голос. Перст дамочки указывал на буквы www.

– Вот видишь, – окончательно расстроилась я, – я не смогла бы такой глупости. Но ту тетку взяли на службу, а мне стабильно отказывают. Ну почему, а?

– Честная ты слишком, – захихикал Сережка, – а это качество сильно осложняет жизнь. Если б родители знали, как их дети станут страдать, говоря правду, мигом бы обучили ребятку лгать. Ну с какой радости ты отвечаешь на вопросы с прямотой Буратино?

– На какие?

– Да на все! Вот предположим: семейное положение. И ему ясно, что не окольцованную бабу твоего, прости, конечно, Лампа, возраста, никогда не возьмут.

– Но почему? – возмутилась я.

– Дурында! В голове у любого кадровика мигом начина-

ет крутиться простая мысль. Так, у бабенки нет семьи, значит, она сейчас активно ищет мужа, работница из нее фиговая, башка забита личными проблемами. А еще, не дай бог, устроит в коллективе скандал, начнет «охотиться» внутри фирмы, отобьет мужика у другой сотрудницы. Нужен нам такой геморрой? Нет! Отказать!!!

– И как ты предлагаешь мне поступить? – уныло поинтересовалась я.

– Пиши в анкете: замужем.

– С ума сошел, а где свидетельство о браке?

Серезка улыбнулся:

– А его в девяноста случаях из ста не спрашивают, если, конечно, ты не решила пристроиться личным секретарем к президенту или не надумала работать на заводе, производящем ракетное топливо. Начнут потом требовать бумагу, отвечай: «Принесу». Стопудово забудут про документик. И еще укажи в анкете: «Имею двух сыновей, Сергея и Кирилла, уже взрослых, не пеленочных младенцев». Молодых матерей в кадрах тоже недолюбливают. Ясно?

– Ага, – растерянно кивнула я.

– Едем дальше, – вдохновился Серега. – Владение иностранным языком – английский, могу изъясняться, читаю со словарем.

– Но я не произнесу ни слова!

Серезка хмыкнул:

– Попрощайся со мной на англицком, говорю тебе: «Гуд

бай!»

– Гуд бай, – машинально ответила я.

– Вот! Значит, можешь!

– Но это все!

– Даже «о'кей» не скажешь?

– «О'кей» произнесу, еще «плиз» знаю и...

Из глубин памяти выплыли остатки знаний, полученные троечницей Романовой в школе.

– Морнинг, афтер найт ¹...

– Класс! Супер! Послушай, я ошибаюсь или видел, как ты весьма бойко переводила Кирюшке текст из газеты? – вдруг оживился Сережка.

– Было дело, – призналась я, – в общем-то, это просто. Берем словарь, ищем в нем нужное слово, складываем фразу...

– Во! – восхитился Сережка. – Следовательно, ты особо и не соврешь, великолепно умеешь работать с нужной литературой. Значит, когда в следующий раз станешь заполнять анкету, везде пиши: «Да». Усекла?

Я кивнула и решила покривить душой. Не скажу, что чувствовала себя комфортно, «дакая» на все вопросы анкеты, но тем не менее послушалась Сергея.

Кадровик прочитал бумагу, потом снял очки, положил их на стол и резко сказал:

– Замечательно, но вы нам не подходите.

– Почему? – воскликнула я.

¹ Утром, после ночи (искаженный до неузнаваемости английский).

Мужчина посмотрел на меня.

– Буду откровенен, руководство фирмы настороженно относится к людям с такой биографией и с такими проблемами, как у вас!

– Вы это о чем? – растерялась я.

Дядька снова водрузил на нос очки.

– Вот вопрос: имеете ли вы судимость? Ответ: «Да».

– Ой, я ошиблась! Нет, конечно! Да посмотрите на меня, неужели я похожа на бывшую уголовницу?

Кадровик пожал плечами:

– Я просто озвучиваю написанное вами. Следующая графа. «Страдаете ли каким-либо из перечисленных заболеваний: сифилис, СПИД, гепатит, туберкулез. И снова: «Да». Я ценю вашу откровенность, но вы хотели трудоустроиться няней в приличную семью. Сами понимаете, бывшая заключенная, пораженная неприятной инфекцией, никак не может претендовать на место возле ребенка.

– Ой, я ошиблась! Я совершенно здорова! Абсолютно!

Работодатель нахмурился:

– Евлампия Андреевна, мы давно на рынке труда, хорошо себя зарекомендовали и дорожим добрым именем агентства. Вас бы все равно отправили на медкомиссию, поэтому нам лучше расстаться сразу. Кстати, мы обязательно проверяем претендентов по компьютеру, у фирмы имеются связи с МВД. За сим прощайте!

– Поверьте, это дурацкая описка!

– Вы ничем не больны?

– Да, то есть нет.

– Так как?

– Ну совершенно по-идиотски задан вопрос, – возмутилась я, – на него же невозможно ответить. Скажешь «да» или «нет» – разницы никакой! Так нельзя формулировать!

– Спасибо, что указали мне на ошибки, прощайте, – сухо каркнул дядька и уткнулся в экран компьютера.

Я вернулась домой и налетела на Сережку:

– Хороший совет ты мне дал, нечего сказать!

Узнав суть дела, Серега развеселился.

– Ну, Лампудель, ты сильно выступила! Заставь дурака богу молиться, он лоб расшибет. В следующий раз все же читай вопросы, не везде надо ставить «да», а то и в неприятности вляпаться можно. Вдруг у тебя спросят что-то типа: «Вы одобряете терроризм?»

Я уничтожила Сережку взглядом и решила в дальнейшем писать в анкетах только истину, в конце концов сумею устроиться на службу и со своими данными!

Неделю после этого я тщательно просматривала объявления и в результате отрыла интересное предложение. Собеседование было назначено ровно на десять утра.

Но, очевидно, судьба решила бесповоротно воспротивиться моему устройству на работу, потому что все, как только я встала с кровати, пошло наперекосяк.

Для начала Муля на прогулке, запутавшись в поводке,

стала жалобно ныть, на вопли подруги моментально кинулись остальные члены стаи, и через секунду передо мной возник многолаповый комок тесно сплетенных между собой тел. Пришлось потратить много времени, чтобы купировать неприятность.

Потом убежал кофе, у брюк сломалась «молния», а на куртке невесть откуда обнаружилось жирное пятно самого отвратительного вида. В довершение ко всему моя машина решила не заводиться.

В полном отчаянье я стукнула кулаком по рулю, еще раз повернула ключи, и... о чудо! Мотор ровно затарахтел.

Мысленно перекрестившись, я выехала со двора, осторожно пересекла проспект, повернула направо, налево и оказалась на перекрестке. Светофор тревожно горел красным глазом. Впереди стояли две практически одинаковые машины – «Жигули» цвета сгнившего баклажана, – и в той и в другой за рулем сидели женщины, мне, притормозившей в левом ряду, были видны их кудлатые головы.

Светофор поменял цвет на зеленый. Правые «Жигули» начали медленно двигаться вперед, левый автомобиль стоял. Я рассердилась: встречаются среди водителей «тормозы», пока такой сообразит, что можно ехать, снова загорится запрещающий сигнал. Ну почему она не шевелится? Может, побибикать?

Но не успела я переместить ладонь на клаксон, как на перекрестке разыгралась драма, которая длилась буквально

секунды. «Жигули», осторожно пересекавшие дорогу, были торпедированы здоровенным грузовиком, вылетевшим слева, с той стороны, где транспорту предписывалось терпеливо ждать зеленого сигнала. Улочки, идущие крест-накрест, небольшие, пользуются ими лишь местные жители, желающие объехать пробку на проспекте. Сейчас свидетелей происшествия практически не оказалось, только одна женщина, плохо одетая, похоже, нищенка, быстро шла по тротуару. Других пешеходов не наблюдалось, да оно и понятно почему, третий день в Москве бушует метель, пронизывающий ветер швыряет в лицо пригоршни колкого снега. На земле образовалась каша, под которой блестит лед, высунуться на улицу в такую погоду способны лишь те несчастные, которым никак нельзя остаться дома. Кстати, машин на дорогах стало меньше, и это единственная радость, которую принес москвичам буран.

Грузовик, превратив ни в чем не повинный «жигуленок» в грудку искореженных железок, на секунду замер, потом подал назад, объехал кучу металлолома и скрылся с глаз. С воплем: «Стой!» – я выскочила на дорогу.

Куда там, виновника аварии и след простыл. Не зная, что делать, я растерянно озиралась по сторонам. Сзади послышался визг тормозов, я прыгнула влево.

– Эй, девушка, – заорал, высовываясь из окна шикарной иномарки, толстый дядька, – чего случилось?

– Так... вот... там... ее... грузовик, – попыталась я объ-

яснить ситуацию.

– Ментов вызвала? – перебил водитель.

– Не успела.

– Ну, бабы, – недовольно буркнул он, – никакого от них толку!

С этими словами он схватил мобильный, а я, еле-еле передвигая ноги, подошла к останкам «Жигулей» и крикнула:

– Не волнуйтесь, сейчас «Скорую» вызовем.

Изнутри груды обломков не раздалось ни звука.

– Вы меня слышите?

Тишина.

– Скоро врачи подъедут.

Молчание.

– Отзовитесь, пожалуйста.

Нет ответа.

– Вам плохо?

– Хорош дурака валять, – раздалось сзади, – чего орешь?

Я растерянно замолчала. Хозяин иномарки кряхтя выбрался наружу и, осторожно ступая замшевыми ботинками по «супу» из реагента, снега и грязи, дошел до места аварии, глянул через разбитое лобовое стекло и констатировал:

– Парень труп.

– Умер? – ужаснулась я.

– Ты бы тоже концы отдала, «поцеловавшись» с многотонной машиной, – отреагировал мужик. – Ну вообще! Ничего себе денек начинается.

– За рулем сидела женщина, – пролепетала я.

– Откуда ты знаешь?

– Ну... я видела, пока стояли на светофоре, прическу кудлатую, волосы до плеч.

– Это мужик шевелюру отрастил, – сплюнул дядька, – небось пидор! А че та машина стоит? Никто не вылезит? Вон гаишники прутся, быстро, однако, прилетели. Небось где-то рядом толкались, синие птицы.

Забыв про меня, он бодрым шагом потопал к мрачным патрульным, нехотя вылезавшим из машины. Я приблизилась к «Жигулям», тосковавшим на перекрестке, увидела внутри девушку, вцепившуюся в руль, и постучала пальцем в окно. Она вздрогнула и уронила голову на баранку. Сообразив, что незнакомка находится в шоке, я решила успокоить ее и дернула дверцу, та неожиданно открылась.

– Не пугайтесь, – быстро сказала я, – все в порядке. Хотите воды? У меня есть бутылка.

Незнакомка подняла голову, и я невольно поразились ее красоте. Большие голубые глаза были окружены частоколом черных изогнутых ресниц, красивые брови разлетались к вискам, масса мелко завитых волос ниспадала на плечи, тонкий нос, пухлые губы, словно нарисованные гениальным художником, довершали картину идеального лица.

– Не волнуйтесь, – продолжала я, – сейчас приедут врачи, сделают вам укольчик.

Красавица вдруг подняла руку и указала в сторону авто-

бусной остановки, находившейся в паре метров от места трагических событий.

– Ты видишь красного зайца? – прошептала она. – Вон он на скамейке сидит!

Сначала я решила, что у небесного создания от стресса помутился рассудок. Длинноухий в центре Москвы? К тому же красного цвета? Наверное, у дамы реактивный психоз. Но тут мой взгляд невольно упал туда, куда указывала изящная ладошка женщины.

На остановке, под стеклянной крышей, на скамейке сидела огромная плюшевая игрушка пурпурного цвета, видно, кто-то забыл ее, залез в автобус и уехал, не вспомнив про косоного.

– И правда! – воскликнула я. – Зайчик!

– Красный!

– Да.

– Это не сон, – прошептала девушка и, странно всхлипнув, лишилась чувств.

Глава 2

На собеседование я, естественно, не попала. Сначала меня допросили гаишники, собственно говоря, их волновали две вещи: могу ли я назвать номер грузовика и описать, как он выглядел.

– Все произошло слишком быстро, – робко объясняла я. – Вжик – и он уехал! Номера я не запомнила.

– Совсем? – деловито осведомился один милиционер.

– Нет, ни одной цифры!

– А буквы?

– Тоже.

– Попробуйте описать грузовую машину, – потребовал второй гаишник.

Но и тут я потерпела полнейшую неудачу.

– Такая, большая... железная, с колесами!

Менты переглянулись.

– Отличная примета, – вздохнул один, – я имею в виду колеса, потому что транспорт по Москве в основном передвигается при помощи гусениц!

Ощувив себя полнейшей идиоткой, я пошла к машине и вздрогнула, раздался противный протяжный звук, это спасатели при помощи резачков пытались освободить тело несчастного парня.

– Девушка, – тронул меня за рукав мужчина в синей курт-

ке с надписью «Скорая помощь», – помогите бумаги оформить.

Плохо понимая, о чем он говорит, я влезла внутрь белого микроавтобуса и увидела красавицу, лязгающую зубами на носилках.

– Она не хочет с нами разговаривать, – пояснил врач, – может, вы поможете? Знаете ее имя?

– Нет, откуда? Впрочем, наверное, у девушки есть права, а там все данные. Может, принести из машины ее сумочку?

– Вам не трудно будет? – прищурился доктор. – Нам не разрешено трогать чужие вещи, еще пропадет чего, на меня свалят.

Я посмотрела на незнакомку и ласково попросила:

– Попробуйте сами вспомнить, как вас зовут?

Голубые глаза слегка расширились.

– Заяц там?

– Да, да, сидит на скамейке.

– Возьми его.

– Хотите игрушку?

– Да.

– С удовольствием принесу ее вам, а сами пока попробуйте сказать свои данные.

– Жанна Львовна Кулакова, актриса театра «Лео», – вполне спокойно ответила девица.

– Вот и славно, – обрадовалась я, – сейчас притащу зайчика.

– Ты его сунь в мою машину, – прошептала Жанна.

Я дошла до остановки, схватила плюшевое чудовище и принялась стряхивать с него налипший снег. В стеклянной крыше остановки имелась дыра, и длинноухий медленно, но верно превращался в сугроб. Оставалось удивляться фантазии производителей, сшивших зайчика абсолютно нереального цвета.

Открыв незапертые «Жигули» Жанны, я хотела положить мягкую игрушку на заднее сиденье и осторожно подвинула большую сумку. В ту же секунду изнутри донеслось недовольное ворчание и наружу высунулась крохотная мохнатая мордочка, внутри саквояжа мирно спал до моего появления крохотный йоркширский терьер.

– Ой, какой ты хорошенький, – умилилась я.

Но собачка сочла, что это ниже ее достоинства – общаться с незнакомой женщиной. Чихнув, она снова скрылась в недрах переноски. Я захлопнула дверь и побежала в микроавтобус. Жанна, уже не такая бледная, поинтересовалась:

– Забрала?

– Да, да, не беспокойся. А зачем он тебе?

– Это мой лучший друг, – прошептала Кулакова, – хочу выпить за его здоровье, если б не заяц, лежать бы мне в пластиковом мешке. Спаситель... милый...

Я не удержалась и участливо погладила Жанну по спутанным волосам. Очень хорошо знаю, что человек, счастливо избежавший смертельной опасности, часто бывает неадеква-

тен.

– Может, все-таки съездим в больницу? – предложил врач.

– Нет, – категорично отрезала Жанна.

– Вам нельзя за руль, – предостерег доктор.

Девушка посмотрела на меня и вдруг заявила:

– Вот она меня отвезет!

Наверное, услышав сие наглое заявление, мне следовало возмутиться, и именно так я бы и поступила в обычной ситуации, но сейчас кивнула.

– Конечно, только адрес скажи и дай ключи, отгоню твои «Жигули» на парковку к супермаркету.

Все равно на собеседование я опоздала, да и нельзя бедную Жанну оставлять, лучше доставить ее домой.

Сев в мою машину, Жанна воскликнула:

– Ой, принеси ириску.

– Что?

– Ириску.

– Где они?

– У меня в машине.

Я покорно вернулась на парковку, порылась в бардачке, внимательно осмотрела пластмассовую корзиночку возле ручки переключения скоростей, потом зашла в магазин, купила на кассе пакетик конфет и принесла его Жанне.

– Вот, держи.

– Это что? – удивилась девушка.

– Конфеты.

– Я не ем сладкое, мигом толстею от него, а мне нужно думать о фигуре.

– Но ты сама же просила.

– Я?!

– Ты. Сказала: «Принеси из моей машины ириски». Извини, я ничего в «Жигулях» не нашла, поэтому купила на свой вкус, если эти не нравятся, могу раздобыть другие.

Жанна улыбнулась одними губами.

– Не ириски, а Ирису, собачку, йоркшира, она в переноске спит.

Тут только я вспомнила про крохотное мохнатое существо и ощутила укол совести, ну надо же, ведь видела терьера и совершенно забыла о нем, а несчастный мог замерзнуть в брошенной машине.

– И зайца прихвати! – крикнула мне вслед Жанна.

Наконец суета закончилась, я умостила за рулем и сказала:

– Говори адрес.

В ответ раздалось тихое похрапывание, я обернулась. Положив голову на плюшевое чудовище, Жанна мирно спала. Пару секунд я колебалась, но потом развернулась и покатила домой. Живем мы недалеко, пусть Жанна проведет некоторое время у нас, наверное, не следует таскать ее сейчас по пробкам.

Очувтившись во дворе, я осторожно потрясла девушку.

– Очнись, пожалуйста.

– Мы где? – сонно прошептала та.

– Пойдем ко мне, попьем чаю.

Совершенно не сопротивляясь, Жанна вышла наружу, прижимая к себе сумку с Ириской.

– Зайца не забудь, – напомнила она.

Я вытянула из машины красного монстра.

Крохотная Ириска оказалась полнейшей пофигисткой. Увидав стадо наших собак, она не потеряла меланхоличности, преспокойно выбралась из переноски, попила воды, а потом развалилась на подстилке Мули. Мульяна, тоже невозмутимая, словно скала, подняла глаза и деликатно осведомилась:

– Гав?

– Это не навсегда, – ответила я, – просто в гости.

Мопсика шумно вздохнула и ушла на диван, Ада, Феня и Капа последовали за ней, Рейчел устроилась под столом, а Рамик прогалопировал в мою спальню, появление Ириски никого не взбудоражило. Хотя йоркшир такой крохотный, что наше зверье, скорей всего, приняло его за хомячка, а к грызунам стая настроена дружески.

– Хочешь супу? – спросила я у Жанны.

– Спасибо, не ем первого, от него толстеют, – раздалось в ответ, – лучше дай водки!

Я пришла в замешательство: согласитесь, странное жела-

ние для молодой женщины среди бела дня. Водки! Ладно бы вино, коньяк, виски, в конце концов, но беленькая!

– Я не алкоголичка, – объяснила Жанна, – вообще не пью! Но сейчас хочу опрокинуть стопочку за красного зайца, он мне жизнь спас.

Я ощутила тревогу. Похоже, Кулакова повредила умом, и как мне поступить? Дома никого нет, Лиза и Кирюшка на занятиях, Катюша укатила в командировку, Костин на службе, Сережка и Юлечка тоже на работе, вернутся все поздно.

– Я не имею никакого отношения к алкоголикам, – повторила Жанна.

– Да, да, – с самым глупым видом закивала я.

Очень хорошо знаю: с психопатами нужно соглашаться, в противном случае вы можете вызвать бурную аффективную реакцию полувменяемой личности. Больной человек способен схватить нож, швырнуть в собеседника чугунную сковородку...

– И не потерявшая ум баба, – добавила гостья.

– Ну как ты могла решить, что я такое подумала!

– У тебя на лбу все мысли написаны.

– Э... э... вовсе нет.

– Ладно, – скривилась Жанна, – сейчас все объясню. Вчера вечером раздался звонок. Я только что со спектакля прирулила, он в одиннадцать заканчивается, пока переоделась, туда-сюда... около полуночи приперлась. Слышу, телефон заходится как припадочный!

Жанна схватила трубку и почти зло спросила:

– Ну кто там еще?

– Можно Жанну Львовну? – прохрипел странный то ли мужской, то ли женский голос.

– Слушаю, – ответила она.

– Вас беспокоит помреж сериала «Загробные тайны», – начали сипеть из трубки, – Коваленко Саша.

Так и не поняв, какого пола Коваленко Саша, Жанна рухнула в кресло. Здесь следует слегка отвлечься от основной темы повествования и сказать пару слов о Кулаковой.

Жанночка, сколько себя помнила, мечтала быть актрисой. Наверное, ей достались гены мамы, очаровательной Лидочки, страстной поклонницы сцены. Но Лиде не повезло, ее родители, папа – профессор математики и мама – историк, услышав от девочки слова: «Пойду учиться на актрису», пришли в ужас и категорически запретили Лидочке даже думать о сцене. Пришлось ей поступать в обычный педагогический институт. Лида все студенческие годы являлась самой активной участницей самодеятельности, а потом удачно вышла замуж, родила дочь и занялась ее воспитанием. С самого раннего детства Жанне внушали, что сцена – это все. Со временем Лида сумела пристроить дочь в театральное училище и каждое утро повторяла ей:

– У меня ничего не получилось, родители растоптали мой талант, но у тебя есть все возможности, помогу чем смогу.

Жанночка изо всех сил старалась стать великой лицедей-

кой, но получалось у нее плохо, господь не отсыпал девушке таланта полной мерой. Одни из ее однокурсников, несмотря на строжайший запрет ректората, начали сниматься в сериалах, другие уже пристроились в театральные коллективы, Жанна оказалась никому не нужна. Она бы давно сложила лапки, но мама упорно вселяла в дочь надежду, отнесла ее фотографии в актерскую базу на «Мосфильм» и ухитрилась сделать так, что Жанну после получения диплома взяли в театр «Лео», в коллектив, где безраздельно правил Валерий Арнольский. Но это было последним мамочкиным благодеянием, она скончалась относительно молодой, попав под машину. Перебегала дорогу на красный сигнал светофора и была сбита водителем, который ухитрился скрыться с места происшествия.

Жанна осталась одна, но в депрессию не впала, ее ничто не лишало хорошего расположения духа. В театре Жанночку считали балластом, но не выгоняли. Известные актрисы неохотно соглашались на крохотные «проходные» роли, но во многих пьесах есть действующие лица, не произносящие ни слова, Жанна была одной из «безмолвных», в балете такие называются «восемнадцатый лебедь в девятом ряду за озером». Другая бы на ее месте давным-давно отчаялась, но Жанна радостно выходила каждый раз на сцену. Она подавала баронессе стакан воды, приносила шляпку маркизе, ставила на этажерку графин. Впрочем, была и роль со словами, в одной современной пьесе Жанночка с воплем: «Он прие-

хал!» – пробежала по сцене в конце первого акта.

Понимаете теперь, отчего у Жанны подкосились ноги, когда она услышала про сериал? В наше время, если засветишься в многосерийной «фильме», считай, карьера состоялась.

Помреж, в чьи обязанности входило приглашать актеров на пробы, словно не подозревая о буре чувств, которую вызвал у Жанны, вещал бесполом голосом:

– Вас планируют на роль Насти, это одна из центральных фигур фильма, сто двадцать серий, показ на Первом канале. Вы свободны сейчас? Других обязательств нет?

– Сейчас посмотрю в ежедневнике, – дрожащим голосом сказала Жанна, потом помолчала пару секунд и принялась лихо врать: – Очень удачно получается, только что завершился один проект, я пока не занята.

– Отлично! Завтра приезжайте на «Мосфильм», только не опаздывайте, – рывкнули из трубки и отсоединились.

Всю ночь Жанна не могла сомкнуть глаз, она провертелась в кровати, постанывая от счастья. Сто двадцать серий! Наверное, мамочка пробила к самому господу и вымолила роль для любимой дочки. К утру веки Жанны стали слипаться, и тут затрезвонил телефон. Девушка вздрогнула и глянула на часы: четыре утра. Страшно разозлившись на идиота, решившегося побеспокоить ее в такое время, актриса схватила трубку.

– Да!

– Жанна? – прошелестело в ухе.

– Именно так.

– Кулакова?

– Что надо? – рывкнула она. – Офигели совсем?

– Послушай, – шуршало из трубки. – Ты во сколько собралась выезжать из дома?

– В девять утра, – машинально ответила Жанна.

– На машине «Жигули» цвета баклажан, номерной знак...

– Да кто вы такая? – окончательно обозлилась девушка.

– Ни в коем случае не ходи на пробы, оставайся дома, на улице тебя ждет смерть.

Жанна хмыкнула. Понятно, конкурентки зашевелились. Тот, кто считает, что люди экрана и сцены дружат между собой и, думая только о творчестве, лишены чувства зависти, глубоко заблуждается. Профессия актера очень зависимая: нравишься режиссеру – снимаешься. Не пришлось по душе – вали вон. Самое страшное для артиста – оказаться в простое. Сидишь дома в кресле, смотришь в тоске на экран телевизора, а телефон молчит. Весь мир забыл про тебя, зритель первый. Не мелькает лицо перед народом, и все, с глаз долой, из сердца вон – не сегодня придуманная поговорка. А в телевизоре крутят фильмы, в них играют другие, раздают потом интервью, получают гонорары, премии. И что остается делать? Только врать на ехидно сочувственные вопросы заклятых подруг.

– Ну почему ты не снимаешься? Отдохнуть надумала?

– Мне неохота тратить себя на всякую чушь, отказываюсь от ролей, жду настоящего, хорошего сценария.

Ох, не верьте этой фразе. Тот, кто, пренебрежительно сморщив нос, произносит нечто подобное, просто не интересуется режиссеров, находясь в простое, актер схватится за любое предложение, только чтобы не умирать дома от осознания собственной непригодности. Но главных героев мало, а претендентов на их роли много, и частенько творческие люди идут на любые уловки, дабы вышибить из седла конкурента. Жанне небось сейчас звонит одна из приглашенных на кастинг актрис, наверное, надумала запугать Кулакову. Если Жанна не придет на «Мосфильм», роль достанется другой.

– Пошла на... – вполне миролюбиво сказала актриса.

– Значит, поедешь?

– Естественно.

– Ох, не надо, там тебя смерть ждет!

– Послушай, – вздохнула Жанна, – можешь не стараться, меня не запугать, не надейся на роль, она моя.

– Что ты, – захрипел голос, – как ты могла такое подумать, я Нелли, экстрасенс и маг. Сейчас увидела в магическом шаре страшную картину автокатастрофы и решила тебя предупредить, поверь, завтрашний день лучше провести дома, иначе беда случится.

Как все актеры, Жанна слегка суеверна, она вздрогнула, но решила не сдаваться.

– Что ж, спасибо за предупреждение, сколько я вам должна?

– Я действую абсолютно бескорыстно, за предвидение нельзя деньги брать, иначе дар пропадет!

– И откуда у вас мой телефон? – усмехнулась актриса.

– Тоже в шаре увидела, – не растерялась экстрасенша.

Жанна расхохоталась.

– Ты мне не веришь? – залепетал голос. – Я и машину рассмотрела цвета баклажан, номерной знак три семь...

– Хватит!

– погоди, умоляю, дослушай!

– Что еще?

– Ты погибнешь!

– Ага.

– Молодой!

– Понятненько!

– Исчезнет нереализованная великая актриса.

– Ладно, спокойной ночи.

– Я помогу тебе совершенно бескорыстно, ничего мне не надо: ни денег, ни услуг, только запомни мои слова.

– Валяй говори, – разрешила Жанна, зевая.

– Тебя спасет красный заяц!

– Кто? – развеселилась актриса.

– Красный заяц!

– Прикольно!

– Будь особенно осторожна на перекрестке около супер-

маркета «Мечта гурмана». Прежде чем ехать, посмотри по сторонам. Увидишь красного зайца, ни в коем случае не двигайся, стой на месте. А еще лучше, бросай машину и уходи, заяц – знак, предупреждение...

Тетка продолжала вещать дальше, но Жанне надоела дурацкая история, она швырнула трубку, не забыв отключить ее от сети, и попыталась заснуть. Куда там, Морфей.

Злая на весь свет, Жанна сначала пошла пить кофе, потом, пошатавшись по квартире, снова легла в постель, подумав: «Полежу полчаса, затем стану собираться», и тут, как назло, девушка погрузилась в глубокий сон.

Очнулась Жанночка в восемь пятнадцать и в ужасе заметалась по комнате. Нужно признать, мерзкая конкурентка почти добилась своей цели, Жанна выглядит просто отвратительно: зеленый цвет лица, под глазами синяки, волосы уже не успеть помыть и причесать как следует.

В состоянии, близком к бешенству, Жанна влезла в автомобиль, нажала на газ, доехала до супермаркета, затормозила на перекрестке, машинально посмотрела в сторону и обомлела: на автобусной остановке ярко алел плюшевый заяц невероятных размеров.

Глава 3

– Дальнейшее ты знаешь, – тихо сказала Жанна и зябко поежилась. – Я замерла от неожиданности, а стоящая рядом машина двинулась, потом вылетел грузовик... Это была моя смерть, но она другому досталась, я обманула старуху с косой, подсунула вместо себя иного человека. Ужасно, да?

– Простое совпадение, – фальшиво бодро воскликнула я, – шофер, очевидно, был пьян.

– С утра?

– Подумаешь, некоторые люди никогда трезвыми не бывают!

– И он сел за руль?

– Придурков много.

– Нет, это предназначалось мне. Зря я не узнала координаты ясновидящей.

– Ерунда, нельзя предвидеть будущее.

– Оказывается, можно, вон он, красный заяц!

– Это совпадение.

Жанна вцепилась правой рукой в свои кудряшки, потом резко спросила:

– Ты когда-нибудь видела зайчиков такого цвета?

– В реальной жизни нет, а на прилавках игрушечных магазинов сколько угодно! Послушай, ты вся трясешься.

– Есть немного, – призналась Жанна, – меня колотит и подташнивает.

– Иди ляг на диван, поспишь, и все пройдет, на кастинг тебе не попасть сегодня.

– Господи, за что мне такая невезуха? – жалобно воскликнула Жанна.

Огромные прекрасные глаза молодой женщины наполнились слезами, я вспомнила про свои муки на ниве поиска работы и бодро воскликнула:

– Не беда!

– Просто ты не понимаешь! – нервно воскликнула Жанна. – Такое предложение редко делают.

Прозрачная слеза потекла по щеке девушки, за ней вторая, третья.

– Не реви, – велела я, – ну-ка, тебе звонил режиссер?

– Помреж.

– Неважно! Саша Коваленко, сериал «Загробные тайны»?

– Верно.

Я улыбнулась:

– Сейчас я улажу ситуацию. Ты спокойно засыпай, а я позвоню на «Мосфильм», найду координаты этого или этой Саши и скажу: «Жанна Кулакова попала в аварию, но завтра непременно приедет!»

Актриса затряслась еще сильнее.

– Давай ложись, – велела я, – и Ириску бери, она тоже вся дергается, небось простыла.

– Нет, – промямлила Жанна, идя в гостиную, – она чешется!

– Давно?

– Ну... Я Ириску получила неделю назад, она еще крошка.

– Наверное, у нее блохи.

– Нет, ее брали в дорогом питомнике, – вяло возразила Жанна, – заводчица сказала, что все йорки до полугода обязательно чешутся.

Уложив осунувшуюся от переживаний Жанну на диван, я плотно задернула шторы.

– Разбуди меня в четыре, – прозвучало из-под одеяла, – на спектакль надо.

– Будет сделано, – ответила я, вернулась на кухню, взяла телефон и, набирая номер справочной, посмотрела на Ириску. Крошечное создание, постанывая и побряхтывая, отчаянно чесало ухо задней лапой.

– Перестань, – велела я, – до крови раздерешь.

Ириска жалобно глянула на меня и снова заработала лапкой, похоже, зуд сильно мучил щенка.

Время до обеда я потратила на поиски Саша Коваленко. Телефон раскалился от напряжения, блокнот покрылся записями, в конце концов мне стало ясно: сериала «Загробные тайны» не существует. Никто даже не слыхивал о подобном проекте. Может, он и должен запускаться, но только сегодня на «Мосфильме» никто не проводил для него кастинг. Не

успокоившись, я позвонила своей приятельнице, журналистке Свете Сафоновой, пишущей о телесериалах, и велела ей:

– Немедленно узнай, кто задумал двадцатисерийный фильм «Загробные тайны».

– Ничегошеньки не слышала о столь масштабном проекте, – мигом сказала Светка, – а ко мне стекается вся информация.

– Это точно?

– Сейчас проверю, – деловито пообещала Сафонова.

В пятнадцать ноль-ноль она сообщила:

– Такого сериала нет.

– Вообще?

– Ага.

– Ты уверена?

– Послушай, Лампа, – возмутилась Светка, – это мой хлеб.

С двадцатисерийный фильм – огромная затея, о ней бы давным-давно языками мололи. А тут полнейшая тишина. И все мои информаторы о «Загробных тайнах» не слыхивали. Ты вообще откуда сведения нарыла?

– Значит, я напутала!

– Похоже, что да, – согласилась Светка.

Я выпила чаю, дала непрерывно чешущейся Ириске молока, потом пошла будить Жанну.

– Что такое? – с трудом простонала она.

Я осторожно изложила ей отчет о своих поисках.

Жанна потерла глаза кулаками.

– Твоя Света не врет?

– Нет, конечно.

– Она компетентный человек?

– Не первый год в журналистике и специализируется именно на телесериалах, знает обо всех проектах будущего года, но «Загробных тайн» среди них нет.

– Ловко, – протянула Жанна, потом она села и с криком «Ой!» обвалилась на подушку.

– Что такое? – испугалась я.

– Голова кружится и болит дико! Плохо мне очень.

Я пощупала лоб Жанны.

– Да у тебя температура.

– Нет, просто все кружится, кровать куда-то уплывает!

Я сбегала за градусником и через пять минут, взглянув на ртутный столбик, сообщила:

– Тридцать девять и пять.

– Не может быть!

– Лежи спокойно, сейчас принесу что-нибудь жаропонижающее.

– Мне надо встать.

– Ни в коем случае.

– У меня спектакль вечером.

– С ума сошла, да?

Внезапно Жанна разрыдалась:

– Ты не понимаешь, я не имею права пропустить работу.

– С гриппом на сцену?

– Да.

– Это невероятно!

– Арнольский меня ненавидит, – хлюпая носом, сказала Жанна, – только и ждет, чтобы прочь выставить: не явилась на работу, пошла вон!

– Бюллетень возьмешь.

– У нас не принято.

– А если, к примеру, человек ногу сломал?

– На костыле приковыляет. И вообще, даже если умер, изволь явиться, выступи, а потом ползи на кладбище.

– Ну и дикость!

– Кулисы – это джунгли сознания, – выпалила Жанна и схватила меня за руку, – помоги!

– С радостью бы, но что я могу?

– Сыграй спектакль!

Я подскочила:

– Ни фиги себе! Каким образом?

Жанна молитвенно сложила ладони у груди:

– Меня выгонят вон, на улицу, устроиться я никуда не смогу, пока числюсь актрисой театра «Лео», имею хоть какой-то статус, а оказавшись на улице, мигом потеряю все, даже ту маленькую надежду на съемки, которая есть сейчас. Арнольский не должен знать, что я пропустила спектакль, следующий лишь через неделю, я успею поправиться. Мне, ей-богу, дико плохо, не встать, все ходуном ходит, помоги, умоляю, больше надеяться не на кого.

Я попыталась воззвать к голосу рассудка.

– Жанночка, я не знаю текста!

– Его нет, – закричала девушка, – все элементарно! Второй акт начинается с того, что я выхожу на сцену с подносом, на котором стоит чашка с водой. Медленно пересекаю пространство, подхожу к креслу, в котором сидит баронесса, и, сделав реверанс, подаю ей чашку. Баронесса недовольно морщится, тычет пальцем в столик и велит: «Туда, Амалия, туда». Я снова делаю реверанс, ставлю принесенное на указанное место и удаляюсь. Ерунда, любой с этим справится.

– Ладно, на такое я и впрямь способна, но лицо? Мы с тобой совершенно не похожи!

– Ошибаешься! – воскликнула Жанна. – Фигуры у нас одинаковые, платье горничной на тебя легко налезет.

– Верно, – протянула я, – а волосы? У тебя роскошные кудри, а у меня жалкие перья.

Жанна улыбнулась.

– Это парик, – сказала она и в ту же секунду сдернула буйные локоны с головы, – видишь, с прической у меня совсем беда, измучилась просто! Чего только ни делала – концы подстригала, касторкой мазала, всякие процедуры применяла, толку ноль, не растут совсем, вот я и перешла на парики. Зимой, кстати, это удобно, вместо шапки, тепло и красиво. Да ты примерь.

Я натянула на голову «шевелюру» и глянула в зеркало. Надо же, мне, оказывается, идут мелким бесом вьющиеся во-

лосы.

– Ладно, с «оперением» понятно, но само лицо-то! Неужели никто из твоих коллег не заметит подмены?

– Нет! – воскликнула Жанна, пытаясь сесть и претерпев очередную неудачу. – Нет!

– Они идиоты?

Актриса натянула плед до подбородка.

– Нет, – устало ответила она, – кретин Валерий Арнольский. Он поставил спектакль совершенно диким образом, все актрисы одеты одинаково: баронесса, горничная, молодая любовница и престарелая матрона. У нас темно-синие атласные платья с серебряной вышивкой, а лица закрыты масками, невозможно узнать кто есть кто, понимаешь?

– Но зачем он так поступил? – изумилась я.

Жанна полежала некоторое время молча, потом с большим трудом прошептала:

– Говорю же, кретин. Нам объяснил свою гениальную задумку так: «Хочу показать, что все люди одинаковы, несмотря на их происхождение, образование и богатство, вы играете не человека, а эмоцию. Баронесса – гордыню, горничная – смирение, любовница – страсть, лицо тут ни при чем, изображать чувства следует словом и жестом». Там и текста-то практически ни у кого нет. Театр мимики и жеста получился, бред, концептуальная фигня, но все просто тащатся от Арнольского, а мне особо выбирать не приходится, спасибо, что такая ролька досталась. Кстати, получила я ее лишь по-

тому, что режиссер хотел, чтобы актрисы были одной фактуры, роста. В общем, дело простое. Приедешь в театр, пойдешь в комнату номер тринадцать, она не заперта, и в шкафу найдешь вешалки с платьями, маски лежат на полке, внизу обувь, внутри моих туфель написано: «Кулакова». У тебя какой размер?

– Тридцать девятый.

– Отлично, как у меня, – обрадовалась Жанна, – видишь, мы с тобой практически одинаковые. Нацепишь одеяние, маску и стой спокойно в кулисе, только приходи ровно в семь пятнадцать, как раз первое действие начнется, все на сцене будут. Быстренько переоблачишься – и вперед, сейчас научу тебя, что делать предстоит.

– А вдруг со мной кто-нибудь заговорит?

– Некому. Явишься к началу первого акта, во втором выйдешь на сцену, и до свидания. Пока переоденешься, все еще перед зрителем будут. Я порой ни с кем не сталкиваюсь, когда этот спектакль идет.

– А совместный поклон?

– Горничная не выходит.

– Ага, понятно. Впрочем, нет, как же меня охрана пропустит?

– Господи, – скривилась Жанна, – на вахте Елена Маркеловна сидит, носом в газету, пойдешь мимо и буркнешь: «Привет, баба Лена, это я, Жанна». Она даже головы не под-

нимет, скажет в ответ: «Жануся, детка, не заболела ли? Голосок скрипит». Бабка слышит плохо и всем одно и то же талдычит. Спокойно отвечай: «Мороженое мясо на улице ела», и топай себе прямо по коридору, никуда не сворачивая, тринадцатая гримерка последняя.

– Может, не надо про мороженое мясо? – насторожилась я.

– Это шутка местная, – пояснила Жанна, – все ей так отвечают. Значит, согласна?

– Ну... вдруг не получится.

– Элементарно.

– Э... э...

– Послушай, – горько воскликнула Жанна, – больше мне попросить некого. Не приду на спектакль, Арнольский озлобится и выпрет меня. Что тогда делать, а?

– Может, кто-нибудь из твоих подруг...

– У меня их нет.

– Совсем? – изумилась я.

– Таких, чтобы за меня в огонь прыгнули, нет.

– А коллеги? Позвони кому-нибудь, вдруг выручат.

– Актрисы – это клубок целующихся змей, – устало ответила Жанна, – если видишь за кулисами двух нежно обнимающихся женщин, то не подходи близко, заразишься ненавистью, которая исходит от милашек. У нас все с виду очень пристойно, поцелуи, улыбочки, возгласы: «Дорогая, ты шикарно выглядишь». А потом вдруг перед выходом на сцену

водички захочешь, выпьешь из бутылки, нам в гримерках их бесплатно ставят... мама родная, понос прошиб! Помреж по громкой связи орет: «Спектакль пошел! Где Офелия, пусть готовится!» А невеста принца датского в сортире к унитазу приклеилась, встать не может, понимаешь почему?

– Сильное слабительное в воде?

– Верно. И на кого подумать? Или в туфли лезвие всунут, парик изнутри клеем намажут... В основном бабы стараются, но и мужики не отстают. Впрочем, среди наших ни мужчин, ни женщин нет, средний пол, особый зверь – актер, они на все способны. Никто мне помогать не станет, не на кого рассчитывать, если и ты откажешь – мне кирдык! Прощай, моя мечта...

Жанна уткнулась в подушку.

– Хорошо, – быстро согласилась я, – в конце концов, я имею опыт нахождения на сцене.

– Ты актриса? – испуганно воскликнула девушка.

– Нет, арфистка, бывшая, теперь больше не концертирую.

– Ну и повезло же мне, – вырвалось у Жанны, – ладно, давай порепетируем.

Глава 4

Ровно в указанный срок я толкнула дверь с табличкой «Театр «Лео». Служебный вход» и вошла в полутемный предбанник. Слева стоял письменный стол с уютно светящейся лампой, в кресле рядом, уткнувшись в газету, восседала бабка, замотанная в платок.

– Это кто? – равнодушно поинтересовалась она, не отводя взора от полосы.

– Привет, баба Лена, это я, Жанна.

– Ох, детонька, не заболела ли? Голосок сипит.

– Мороженое мясо на улице ела, – выпалила я выученный текст и быстро пошла по длинному коридору.

– Ну шутница, – проскрипела старуха и потеряла ко мне всякий интерес.

Дальнейшие события развивались без сучка без задоринки. Комната под номером тринадцать была открыта, в шкафу, как и обещала Жанна, нашлось атласное длинное платье, туфли и маска. Быстро переодевшись, я нацепила сильно пахнущую клеем и краской маску и услышала из громкоговорителя, висевшего на стене:

– Антракт. Второй акт начинается с выхода горничной, Кулакова, займите место во второй кулисе.

Осторожно переступая через всякие шнуры и железки, я добралась до места и увидела тощую вертлявую девицу в

джинсах.

– Привет, Жанка! – воскликнула она.

Я кивнула.

– Вон поднос и чашка, видишь?

Я опять кивнула.

– Ой, воду забыла налить, – опомнилась реквизиторша, – ща принесу, ты про реверанс помнишь? А то опять не сделаешь, и Валерка пеной изойдет!

В этот момент из темноты послышался шепот:

– Алиса, сколько можно тебя звать? Куда гром сунула?

Как мне грозу изобразить?

– Вау! – подпрыгнула девица. – Совсем я плохая стала!

– Чеши за громом!

– Сейчас, сейчас, – засуетилась Алиса, – только Жанке воды припру.

– Шевелись, убогая, – донеслось из мрака.

Алиса, причитая, исчезла за кулисами, меня неожиданно охватила тоска. Я подошла к закрытому занавесу и посмотрела в щелочку. Плотные ряды кресел были почти пусты, публика в массовом порядке понеслась в буфет. Боже, как давно я не стояла вот так, вглядываясь в зал, впрочем, я никогда не получала оваций, госпожа Романова плохо играла на арфе, нет во мне нужной энергетике, ну не обладаю я ярко выраженной харизмой. Ладно, хватит предаваться тоскливым воспоминаниям, лучше сейчас еще раз повторить то, что предстоит сделать.

Значит, так, выхожу, пересекаю сцену, приближаюсь к баронессе, сидящей в кресле, делаю глубокий реверанс...

Неожиданно в голове возникло еще одно воспоминание.

Поздний вечер, наша квартира наполнена тишиной, только на кухне горит свет. Десятилетняя Фрося², большая любительница подслушивать беседы папы и мамы, скрючилась на унитазе. Санузел в родительских апартаментах граничил с кухней, если сидеть тихо, то станешь незримой участницей чужого разговора. Папа, как всегда, описывал маме прошедший день.

– Представляешь, – смеясь, говорил он, – сижу сегодня в академии на экзамене...

Я сначала удивилась, услышав это заявление, но потом мигом сообразила, что папочка, кроме того что является ученым, еще и преподает в вузе, и слушала его дальше.

– Отвечает Николаевич, помнишь его?

– Ну да, – отвечает мама, – майор из Ростова.

– Верно, – подтверждает папа, – в принципе приятный дядька, старательный, одна беда, не слишком образованный. В общем, вышел казус.

Выступил Николаевич вполне пристойно, отец уже решил поставить ему «отлично», но потом подумал и сказал:

– Билет вы знаете, но не хватает завершающей фазы в рассказе, если сейчас сделаете красивое резюме, получите пя-

² История о том, как Ефросинья Романова превратилась в Евлампию, рассказана в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника». Издательство «Эксмо».

терку.

Ничего особенного папа не хотел, всего лишь чтобы слегка туповатый Николаевич подвел итог своему выступлению. Отец всегда говаривал:

– Информацию и дурак запомнит, а вот подвести правильный итог сказанному – прерогатива человека мыслящего.

Но Николаевич отреагировал странно, он резко покраснел и ответил:

– Никогда.

– Голубчик, – принялся уговаривать его отец, твердо решив дотянуть ученика до пятерки, – поверьте, это совсем нетрудно, вы попробуйте.

– Ни за что.

– Опасаетесь неудачи? Но четверка уже ваша, неужели не желаете повисить балл?

– Резюме делать не стану, – словно взбесившийся попугай, затвердил Николаевич.

– Ну, не стесняйтесь!

– Не могу!

– У вас достаточно знаний для столь простого действия.

– Не могу.

– Ей-богу, смешно.

– Не могу!

Видя, что майор находится почти на грани истерики, отец вздохнул.

– Вы мужчина, обязаны быть смелым, а как военный –

подчиняться приказам старшего по званию. Стыдно, в конце концов, так себя вести, мы в академии призваны научить вас не только зазубривать учебники, но и делать резюме, это же элементарно.

Николаевич стал пунцовым, как рак.

– Хорошо, – просипел он, – если отдаете приказ, тогда конечно.

– Отлично, голубчик, – кивнул папа, – начинайте.

Отец ожидал, что тот сейчас подойдет к доске, возьмет мел, напишет пару формул... Но майор поступил самым невероятным образом.

Смахнув пот со лба, он шагнул на середину аудитории, взялся руками за полы кителя и присел в... реверансе.

Все – и профессор, и великовозрастные курсанты – замерли с открытыми ртами, Николаевич выпрямился и самым несчастным голосом спросил:

– Хватит? Или еще раз сделать резюме?

Бедный папа, боявшийся обидеть тупого майора, собрал в кулак всю волю и выдал из себя:

– Достаточно, голубчик, вот ваша зачетка.

Когда Николаевич покинул помещение, остальные зрители «шоу» молча уставились на профессора.

– Э... э... голубчики, – простонал отец, – милосердие является доблестью не меньшей, чем храбрость. Надеюсь, никто из вас не станет смеяться над коллегой, перепутавшим понятия «резюме» и «реверанс».

– Хорошо, – пискнул кто-то с галерки, – мы че? Ниче! Бывает.

В ту же секунду в аудитории грянул хохот, отец попытался справиться с собой, но не сумел, впервые в жизни ему отказало самообладание, и он уткнул лицо в идеально выглаженный платок.

С тех пор, когда человек произносит слова «реверанс» или «резюме», я вспоминаю несчастного Николаевича. Интересно, кто-нибудь указал ему на ошибку? Если да, то это был не мой папа, он не смог побеседовать на сию тему с учеником.

– Начинается второй акт, – понеслось с потолка, – горничная в кулисе, Кулакова, проверьте поднос и чашку с водой.

Я обернулась и увидела на колченогом столике весь необходимый реквизит: жестяной поднос, на нем фарфоровую емкость в виде пузатой «бомбочки» и чуть поодаль бутылочку с газировкой.

– Внимание, музыка, – вновь ожил громкоговоритель.

Я, ощущая легкий испуг, быстро схватила бутылочку. Как правило, пластиковая тара закрыта просто насмерть, у меня не хватит сил, чтобы свернуть пробку. Ну неужели Алиса не могла сама налить воду в чашку!

Но голубая крышка неожиданно легко поддалась, обрадовавшись, я плеснула воду в фарфоровую «бомбочку» и услышала раздраженное:

– Горничная! Жанна, блин, ты где? Жанна!!!

Вцепившись в холодный поднос, я шагнула на сцену, свет софитов ударил в лицо, зрительный зал напряженно молчал, и на первый взгляд казалось, что там, в темноте, никого нет, но я очень хорошо знала: за яркой полоской прожекторов находятся люди, все они сейчас уставились на меня.

Еле-еле передвигая ставшие каменно-тяжелыми и отчего-то негнушимися ноги, я пошла к креслу, в котором восседала фигура, облаченная в синий атлас, с маской на лице. Разглядеть внешность баронессы было совершенно невозможно, я обратила внимание на ее волосы, ярко-рыжие, прямые, красиво блестящие в электрическом свете.

Так, теперь реверанс. Чашка поехала по подносу, с огромным усилием я сумела удержать ее и протянула поднос баронессе.

– Туда, Амалия, туда, – послышался капризный голосок.

Потом красивый пальчик, украшенный огромным перстнем, ткнул в сторону крохотного столика. Я осторожно уместила на нем реквизит и, сделав еще раз реверанс, пошла назад, чувствуя, как тонкое платье противно прилипло к потной спине. Зрители, очевидно, потеряли к горничной всякий интерес, потому что баронесса принялась восклицать с фальшивым пафосом:

– Вода! Вот единственное, чего можно от них дожидаться! стакан, нет, чашка! Боже, как смешно! Пить или не пить? Возьму – унижусь, пренебрегу – измучаюсь от жажды!

Оставив баронессу решать почти гамлетовские вопросы, я

нырнула в кулису и, не замеченная никем, добежала до примерки. Следовало признать: затея удалась на все сто процентов, расчет Жанны оправдался полностью.

Радуюсь удаче, я некоторое время посидела в кресле, унимая дрожь в теле, торопиться было некуда, до конца второго акта много времени, потом повесила платье в шкаф, поставила на место туфли, положила маску. Все это я проделывала под непрерывный бубнеж громкоговорителя.

– Любовница, на выход. Алиса, приготовь полотенце. Дайте музыку! Где Соня? Отчего... а... а... а!

Резкий вопль ударил по ушам, я вздрогнула.

– Занавес, занавес, занавес, – метался крик.

Я стала быстро совывать ноги в сапоги, но, как назло, не застегивалась «молния». Проклиная нехстати заевшую железку, я дергала ее туда-сюда, но без всякого результата.

Дверь примерки распахнулась.

– Жанна, – завопил какой-то мужик, – живо к Батурину!

Я замерла и мигом оценила ситуацию. Стою спиной ко входу в весьма пикантной позе, вошедшему видно, простите, конечно, за подробность, одну обтянутую джинсами попу. Каким образом он догадался, что в комнате находится Жанна? Да по шевелюре! Мелко вьющаяся копна искусственных волос сейчас свисает до полу.

– Жанка, слышишь!

Я покивала головой.

– Живо к директору.

– М-м-м!

– Быстрее!

– М-м-м.

– Он бесится!

– М-м-м.

– Хорош мычать, беги давай!

– Ща, – просипела я, – ща, кха, кха, кха, кажется, я простудилась, голос-то как изменился от ангины.

– Поторопись, – велел дядька и исчез.

Я выпрямилась, черт с ними, с сапогами. Что делать, а? Идти к директору? Он мигом заметит подмену. Ледяная рука сжала желудок. Ну с какой стати я согласилась на идиотское приключение? Чужало ведь сердце, беда приключится.

Дверь заскрипела и начала тихо открываться. Я сдернула с головы парик, сунула его в шкаф и села на обшарпанную табуретку.

– Жанна, – взвыл лысый мужик, входя в гримерку, – ну сколько можно... Ой, а где Кулакова?

– Сама ее жду, – максимально спокойно ответила я.

– Только что же была здесь!

– Верно, – подхватила я, – она велела мне: «Посиди, Лампа» – и исчезла, фр-р-р, и нету! Костюм швырнула и деру!

– А вы кто? – начал хмуриться дядька.

– Я?

– Ну не я же! Что вы делаете в гримерной?

– Так Жанну жду!

– Зачем?

– Почему я должна перед вами отчитываться? – нагло схватила я, ожидая, что лысый обозлится и заорет: «Убирайтесь отсюда немедленно».

Вот тогда я получу право с гордо поднятой головой покинуть помещение, но он поступил по-иному, на его лице появилась самая приветливая из всех возможных улыбок.

– А потому, душечка, – пропел он, – что вы видите Юлия Батурина, и все происходящее за кулисами является моей головной болью. Живо отвечайте, чем вы тут занимаетесь?

Я опять вспотела и завела:

– Понимаете, Юрий...

– Юлий, – перебил меня Батурин, – Юлий, как Цезарь. Очень не люблю, когда коверкают мое имя.

– Простите, я не хотела вас обидеть.

– Ничего, продолжайте. Вы кто?

– Евлампия Романова, для близких просто Лампа. В театр меня пригласила Жанна, мы дружим.

– У этой обезьяны есть подруги? – скривился Юлий.

– Ну...

– С чего бы это Кулаковой всех в гримерку тащить?

– Я не все.

– Уже понял! Цель вашего визита?

– Я хотела устроиться на работу, – ляпнула я.

– Вы актриса?

– Нет, нет, Жанна говорила, что тут есть вакансия...

– Гримера?

– Верно!

– Значит, вы гример?

– Да, да.

– А с волосами справитесь?

– Обожаю создавать прически, – лихо солгала я.

– Образование какое?

– Высшее.

– А именно?

– Консерватория по классу арфы.

Брови Юлия поползли вверх.

– Консерватория? – удивленно повторил он.

– Ну да, потом я освоила еще мастерство гримера, – принялась изворачиваться я, больше всего мечтая исчезнуть из крохотной комнатки. Юлий крикнул, а я почему-то добавила: – Давно замужем, имею двух взрослых сыновей и дочь, владею компьютером, умею при помощи словаря читать и переводить английский текст, в тюрьме не сидела, СПИДом не болею.

Батурин закашлялся, потом вдруг ласково сказал:

– В принципе вы нам можете подойти, если имеете постоянную московскую прописку, но сейчас нужно найти Жанну, говорите, она внезапно ушла?

– Да, да, – затараторила я, изо всех сил пытаюсь внушить Юлию, что Кулакова лично принимала участие в спектакле, – прибежала сюда, мигом переделась и унеслась. Видно,

очень торопилась! Вы не сомневайтесь, она замечательно сегодня подавала чашку с водой баронессе.

Выпалив последнюю фразу, я замерла, сейчас Юлий справедливо заметит: «Однако странно, она пригласила вас якобы на работу и смылась. И зачем вы ее ждете, если она ушла?»

Но Батулин почесал подбородок и сердито промолвил:

– Ее все на сцене видели, полный зал и наши, очень глупо убежать, ведь все равно поймают.

Я разинула рот, но тут в гримерку влетела девица, страшная, словно голодная смерть. Тощее тельце было втиснуто в красную кожаную мини-юбчонку, которая заканчивалась почти сразу там же, где начиналась, мосластые, жилистые ножки украшали высокие черные кожаные сапоги-ботфорты с неправдоподобно узкими мысами, сверху на небесном создании была ядовито-лиловая кофточка-стрейч, из рукавов которой торчали руки, более всего напоминавшие лапы больного воробья, копна иссиня-черных, слишком ярких, чтобы быть натуральными, волос водопадом лилась с макушки до плеч.

– Ой, ой, ой, – безостановочно верещала девица, – ой, ой...

– Софья Сергеевна, – сердито оборвал ее Юлий, – немедленно успокойтесь, говорите внятно, без визга и истерик.

– Юлий, – фистулой завизжала Софья и быстрым жестом отвела за уши волосы, почти полностью до этого прикрывав-

шие ее лицо.

Я вздрогнула, у слишком худой девушки оказалось лицо хорошо пожившей тетки лет пятидесяти. Щеки, глаза, лоб, губы покрывал толстый слой макияжа, но из-под тонального крема и килограмма пудры проступали морщины вкупе с пигментными пятнами.

– Юлий! Она умерла, – на едином дыхании выпалила Софья. – Ой, ой, ой, ай! Я так ее любила! О-о-о! Немедленно найди Жанну!

– Ты уверена? – деловито осведомился Батурин, спокойно глядя на колотящуюся в истерике Софью.

Та потрянула головой и почти нормально ответила:

– Да.

– Кто сказал?

– Врач.

– Но она дышала, когда ее уносили.

– А сейчас скончалась, доктор говорит, похоже, ее отравили, а яд...

– Сам знаю, – отмахнулся Юлий, – я думал, она ей какой-то гадости подсыпала, просто чтобы напакостить. Но отравка! Эй, перекройте выход и никого без моего распоряжения на улицу не выпускать, слышишь? А все баба Лена! Вот дура старая, глухарь, а не вахтер! Всех уволю!

Резко повернувшись на пятках, Юлий выскочил в коридор.

– Что случилось? – налетела я на Софью.

Та совершенно спокойно плюхнулась на диван, вытащила из крохотной сумочки пачку ароматизированных сигарилл, закурила и равнодушно спросила:

– Ты кто?

– Э... новый гример.

– Вместо Ксюши?

– Наверное, да.

– Будем знакомы, – кокетливо прищурилась тетка, – Софья Сергеевна Щепкина. Да, да, родственница того самого, слышала небось?

Я кивнула. Михаил Семенович Щепкин, великий русский актер, основоположник реализма в русском сценическом искусстве, вроде умер в 1863 году, в консерватории у нас был факультатив по истории театра, отсюда и знания.

– Можешь звать меня Соня, – разрешила Щепкина, – мы почти одногодки, и я совсем не чванлива, в театрах важен любой винтик, даже такой, как гример. О, театр! Только беззаветно любящий искусство человек способен пожертвовать всем ради мгновений...

– Так что случилось? – весьма нетактично перебила я ее.

– Тина умерла.

– Кто? – отшатнулась я.

– Актриса Бурская, игравшая роль баронессы, – без всякого трепета пояснила Софья, – Валентина ее имечко, но оно Вальке простонародным казалось, велела звать себя Тиной. Все выделялась, пальцы гнула. Да уж!

– Но почему она скончалась? Пожилая была? Инфаркт?
Софья захихикала.

– Уж не девочка, но о своем возрасте молчала. Боже, она не понимала, что смешна! Мне вот тридцать два, и я смело говорю об этом.

Я покосилась на дряблую шею молодки и, тактично промолчав, задала следующий вопрос:

– Так от чего умерла Бурская?

Софья попыталась было округлить глаза и вздернуть брови, но лоб, обколотый ботоксом, не хотел двигаться, и очи прелестницы просто вылезли из орбит.

– Ее отравила Жанна! Вот маленькая дрянь! Хотя лично я не поддерживала Валентину!

– Жанна? – заорала я. – Не может быть!

– Ты ее знаешь? – склонила набок раскрашенную мордочку Щепкина.

– Да, и абсолютно уверена, она здесь ни при чем!

Софья вытащила новую сигариллу.

– Ха! Все видели. Эта бесталанная мадам приволокла чашку воды.

– На сцену?

– Да, роль у нее такая, поднос носить, – ехидно сказала Софья, – ну очень сложная, философская, напряженная работа, нужно воды подать и уматывать. А Тина сначала произносит небольшой монолог, потом отпивает из чашки...

Я, оцепенев, слушала болтающую Софью. Голос ее, рез-

кий, визгливый, вонзался в мозг раскаленным железом. Через пару минут ситуация стала мне понятна. Бурская, выпив воды, должна была встать, подойти к шкафу, открыть дверцу, откуда вываливалась любовница ее мужа, ну и так далее.

Но сегодня все пошло наперекосяк, Тина одним глотком осушила чашку, сморщилась, будто уксус глотнула, начала говорить, икнула и лишилась чувств. Зрители решили, что так положено по роли, и сидели тихо, но помреж живо понял: дело неладно, и велел дать занавес. Бурскую унесли за кулисы, людям в зале сообщили о внезапной болезни исполнительницы главной роли и вызвали «Скорую», но, пока та ехала, Валентина умерла. Актеры сначала подумали, что у Бурской инфаркт, но прибывший врач мигом заявил:

– Это очень похоже на отравление, надо сообщить в милицию.

– Жанка ее на тот свет отправила, – подвела итог Щепкина.

– Почему вы подозреваете Кулакову? – прохрипела я.

– А кто еще? – удивилась Софья. – Водичку она принесла и повод имела! Да уж, красотища! Никому Павлик не достанется! Одна на кладбище, вторая в тюрьме. Какой накал страстей, Шекспир отдыхает!

В примерку вошел толстый парень.

– Где Жанна? – спросил он. – Ее все ищут!

– Сбежала красавица, – взвизгнула Софья, – послушай,

Алик...

Воспользовавшись тем, что Щепкина переключила свое внимание на другого человека, я выскользнула в коридор, добежала до вахтерши и увидела Юлия, допрашивавшего бабу.

– Значит, как она приходила, ты видела?

– Точно, – закивала баба Лена, – приволоклася вовремя, волосьями занавесилась и летит.

– А выходила ли она, ты не помнишь?

– Ну...

– Да или нет?

– Э... э... э.

– Безобразие, – обозлился Батурин, – чем только на посту занимаешься! Газеты все читаешь!

– Мимо меня и муха не пролетит, – обиженно прогудела бабка, – в туалет я отлучилась, живот схватило, а все потому, что после огурцов молочка попила.

– Сделай милость, – взревел Юлий, – не рассказывай тут о своих кишечных проблемах!

– Вы же спрашиваете!

– Но не о твоём поносе, вопрос звучал: «Уходила ли Кулакова?»

– Вот ща я точно вспомнила, – всплеснула руками бабка, – она дико торопилась, пронеслася молнией, один запах остался, духи у нее шибко вонючие, спасу нет, тошнить начинает, как до носа доберутся!

– Ты куда? – рявкнул Юлий.

Последний вопрос относился ко мне.

– Домой, – пролепетала я, – похоже, вам сейчас не до нового гримера.

– Прибегай завтра к четырем часам, – деловито сказал Батурин, – не опаздывай, ты мне подходишь, люблю не пафосных.

Я кивнула и вылетела на улицу.

Глава 5

В нашей квартире стояла полнейшая тишина, в прихожей не горел свет. Я щелкнула выключателем, разделась и пошла в гостиную. Создавшееся положение, мягко говоря, не радовало. Конечно, я очень даже ловко выручила Жанну, заменила ее во время спектакля, но теперь актрису считают убийцей, нечего сказать, хороша ситуация. И как поступить несчастной девице? Сказать честно: я не принимала участия в спектакле, заболела и послала вместо себя другую бабу? Ох, боюсь, главный режиссер, услышав такое оправдание, мгновенно выгонит Жанну вон, навряд ли господину Арнольскому понравится поступок Кулаковой. А еще он вполне может заявить ей:

– Раз с твоей ролью способна справиться первая встречная, то ступай на биржу труда, лучше я приглашу в коллектив студентку на подобные выходы. Ученице можно особо и не платить, за «спасибо» прыгать будет.

Может, мне следовало честно признаться в подмене? Дождаться милиции и сказать оперативникам правду? А я лишь усугубила ситуацию, рассказав о том, сколь спешно Жанна удрала из театра. Слабым оправданием моего поведения служит то, что я не знала о смерти Бурской и хотела убедить Юлия Батурина в присутствии Кулаковой на службе. Да уж, затея удалась на все сто процентов. Никто теперь не со-

мневается, что именно Жанна отравила Тину, торжественно, драматично, абсолютно по-актерски лишила Бурскую жизнь на глазах у зрительного зала. Отчего никому в голову не пришло простое рассуждение: с какой стати Жанне убивать при доброй сотне свидетелей? Что, нельзя было обстряпать дело по-тихому, в примерке?

Впрочем, похоже, у Кулаковой имелся веский повод расправиться с Тиной. Юная старушка Софья трещала о некоем Павлике, который теперь никому не достанется...

Потерев ладонями виски, я распахнула дверь гостиной и крикнула в темноту:

– Жанна, вставай.

Сейчас расскажу Кулаковой о происшествии, и мы вместе отправимся в милицию.

– Жанна, просыпайся!

Из мрака не донеслось ни звука. Я постояла пару мгновений на пороге, потом щелкнула выключателем. Конечно, не следует будить больную Жанну, ей и так сегодня досталось, одна история с красным зайцем любого уложила бы в кровать, но альтернативы-то нет!

Яркий свет многорожковой люстры осветил гостиную. Я прислонилась к косяку: никого. В комнате царил идеальный порядок, плед на диване был аккуратно сложен, подушечки взбиты, в раскрытую форточку дул ледяной ветер, от Жанны не осталось даже запаха духов.

Решив, что она мирно пьет чай на кухне, я кинулась туда и снова обнаружила безлюдное пространство, никаких следов Кулаковой не было и в помине. Растерянно выкрикивая на все лады: «Жанна, Жанночка, Жанна...» – я заглянула в ванную, туалет, спальни детей и Кати.

Но Кулакова испарилась без следа, на вешалке не было ее одежды, в галошнице тосковали лишь мои зимние сапожки.

Плохо понимая, как поступить, я вернулась на кухню, машинально поставила чайник на газ и услышала стук входной двери, потом голоса Юли, Сережки, Лизы и Кирюши. Члены семьи явились домой вместе, небось столкнулись у подъезда.

– Лампа, – завопил Кирюша, – я есть хочу! Чего у нас на ужин?

– Надеюсь, макароны с мясом, – вступила Лизавета.

– Тебе только мучное и есть, – заржал мальчик.

– Сам дурак! – обиделась Лиза.

– Чего обзываешься?

– Ты первый начал.

– А ну цыц, – прогремел Сережка.

– Ой, ты наступил на мою сумку, – возмутилась Юля.

– Не фиг ее на пол бросать, – парировал ее муж.

– Так у нас макароны? – влетела на кухню Лиза.

– Мне лучше салат, – заявила входящая следом Юля, – без заправки.

– Мяса хочу, мяса, котлет! – завел Кирюшка.

– И супу! Борща, – подхватил Сережка.

Я вынула пачку пельменей.

– Через пять минут сварятся.

– Фу, гадость!

– Не хочу тесто с жилами!

– Ваще отстой!

– Лампа, ты чем занималась?

– Дома сидела, – соврала я, ставя на огонь кастрюлю.

– И не сварила щи!!!

– Ну... не успела!

– Почему? – гневно воскликнул Кирюшка.

Я не нашлась, что ответить, но тут меня выручила Юлечка.

– Ой, – закричала Сережкина жена, – какая прелесть? Откуда она у нас?

Я обернулась и уронила шумовку, посреди кухни сидела Ириска и чесалась изо всех сил.

– Жутко прикольная! – взвизгнула Лиза.

– Это кошка? – спросил Кирюша.

– Ты чего, – захихикала Лизавета, – так Рейчел и потерпит дома киску, это собака.

– Маленькая какая!

– Порода называется йоркширский терьер, – осторожно сообщила я.

Может, Жанна где-то в доме? Ириска ведь здесь! Наверное, ее хозяйка пошла покурить на лестницу. Хотя маловероятно.

ятно, когда я пришла, дверь была закрыта. Может, Жанночка отправилась подымить и захлопнулась? Девушка небось потопталась на площадке, замерзла и попросилась временно к соседям! Ага, а куда подевались ее сапожки и куртка?

– Лампудель, – сурово спросил Сережка, – немедленно отвечай, откуда у нас сие блохастое существо?

– У Ириски блох нет, – возмутилась я, – маленьким йоркам положено чесаться!

– Вот так, почти до крови? – прозвучал сзади голос Костина.

– И ты тут? – подпрыгнула я.

– Если не ко двору, могу уйти, – не преминул изобразить из себя обиженного майор.

– Блохи нам ни к чему, – задумчиво протянула Юля.

– Она без паразитов, – стала злиться я, – нежное, крохотное создание. Чем оно вам мешает?

– Приходит Ваня домой из армии, – вдруг заявил Костин.

– Ваня – это кто? – изумилась Лиза.

– Прийти из армии нельзя, – ехидно перебила ее Юля, – можно демобилизоваться.

– Зануда, – сказал Кирюша.

– К нам еще и Ваня явился? – воскликнул Сережка.

– Что вы за люди! – возмутился майор. – Я анекдот рассказываю! Пришел Ваня из армии, а у его Тани трое ребят на лавке. Муж давай орать: «Ты, такая-сякая, изменяла мне!» А жена в ответ: «Вовсе нет, милый! Вон первый, Паша, си-

дит, – это ты в отпуск приезжал. Вон второй, Коля, – это ты опять в отпуск приезжал». – «А третий откуда? – взревел Ваня. – Меня всего пару раз домой отпускали». – «Он такой маленький, наивный, крохотный, чего ты к нему привязался?» – ответила жена.

– Не смешно, – отрезал Сережка, – откуда йорк?

Я отошла к окну.

– Ладно, расскажу правду. Утром я поехала...

Но я не все рассказала, о красном зайце и затее с выходом на сцену промолчала, зато историю с аварией изложила в деталях.

– Интересная песня, – прищурился Костин, – ну, зови сюда девушку, познакомимся.

– Она ушла, – быстро сообщила я, – право, странно, даже «до свидания» не сказала!

– А ты, значит, не слышала стука двери? – ехидно поинтересовался майор.

– Да!

– Чем же так занята была?

– Суп варила, вода на кухне текла, радио играло, вот и...

– И где он? – перебил меня Сережка.

– Кто?

– Суп!

Я растерянно умолкла.

– Отчего сейчас пельмени в кипяток пошвыряла, коли супчик имеется? – откровенно издевательски вопрошал он.

– Э... э... понимаешь... э... Он скис!

– Скис?

– Ага.

– Свежий борщик?

– Ну да, картошка испорченная попалась, – стала выкручиваться я.

– Ай беда!

– Точно, столько времени зря потратила.

– Хватит, – оборвал наш диалог майор, – сейчас объясню, как обстояло дело! Лампа увидела на улице тетку, продававшую за бесценок вот это существо, гордо называемое йоркширтерьером, и не сумела устоять, купила его. Спору нет, пока собачонка выглядит очаровательно, но во что она вырастет?!

– Надеюсь, не станет похожа на Коко из двадцать пятой квартиры, – захихикала Юлечка.

Я вздрогнула. Примерно год назад соседка из нашего подъезда, глупая как пробка Люся, приобрела на Птичке очаровательное крохотное существо, покрытое нежным белым пухом. Зная, что мы опытные собачники, Люська принеслась к нам для консультации.

– Это Коко, – захлебывалась соседка от счастья, – чихухау, милая крошка!

Я попыталась объяснить Люське, что Коко похожа на «чихуню», как бегемот на забор, но соседка обиделась и со словами: «Ты ничего не смыслишь в животных», ушла.

За двенадцать месяцев Коко вымахала до размера пони, весит она около восьмидесяти килограммов, и тощая Люська вполне способна ездить верхом на своей «чихуахуа», но тупая соседка не сдается, каждый раз, сталкиваясь со мной в лифте, она говорит:

– Кока чистопородное животное, просто выросла так от качественного питания, если б ты нормально ела, тоже бы хорошо смотрелась...

– Ириска йорк, – возмутилась я.

– Непонятно кто, да еще с блохами, – стоял на своем Се-режка.

– Жанна...

– Лампа, – вздохнула Юлечка, – хватит врать. Мы же тебя не осуждаем! Ясное дело, ты не смогла пройти мимо собачки, вот и взяла ее! Очень даже понятно.

– Но Жанна...

– Лампудель, остановись, – погрозил мне пальцем Костин, – пусть живет, никто ее не обидит.

– Суперская собачка, – кинулась целовать Ириску Лиза.

– Вполне ничего, – одобрил Кирюшка, – берем в семью.

– Она принадлежит Жанне!!!

– У-у-у, – прозвучал хор голосов, – хватит!

– Вы мне не верите! – возмутилась я.

– Нет, конечно, – ответил Костин, – наврала с три короба!

И тут мне в голову пришла замечательная мысль.

– Сейчас принесу красного зайца!

– Кого? – вытаращилась Лизавета.

– Ну не стала я вам в деталях пересказывать эту историю, – оживилась я, – на самом деле Жанну спас красный заяц.

– Охохоюшки, – протянул Сережа, – зайчик-то креативный!

– Да вы послушайте! Косой сидел на автобусной остановке, но сначала он позвонил Жанне...

– Длинноухий сам звонил? – с абсолютно серьезной миной спросил Костин.

– То есть не он, а помреж Саша Коваленко, неизвестно, мужчина это или женщина, он снимает сериал, но его нет!

– Зайца? – уточнила Лиза.

– Кино нету! – стала злиться я.

– Какого? – прищурился Вовка.

– «Загробных тайн», Жанну обманули, вопрос – зачем? А потом позвонили от красного зайца, то есть сказали о нем и про фильм...

– Которого нет? – снова влез Костин.

– Есть!!!

– Но ты же сказала: «Кино нету».

– Я про зайца!

– А-а-а!

– Вы мне не верите, погодите, сейчас я его принесу.

С быстротой таракана я метнулась в гостиную, распахнула дверь и поняла – игрушка исчезла. Жанна забыла Ириску,

но плюшевого монстра прихватила с собой. Пришлось мне возвращаться ни с чем.

– И где кролик? – весело поинтересовался Костин.

– Он заяц, – буркнула я.

– Я не знаток живой природы, – фальшиво пригорюнился Вовка. – Всего лишь дилетант, мечтающий увидеть красного представителя семейства...

– Отстань от нее, – велела Юля, – лучше ешь пельмени!

– Эх, жаль, Лампа борщик вылила, – вступил Сережа, – может, он еще и не такой тухлый был.

Лиза и Кирюшка захихикали, Костин сделал вид, что пытается наколоть на вилку скользкий пельмень, а Юля, сердито швырнув в мойку шумовку, рявкнула:

– Ешьте молча, Лампа – тоже человек. Идиотскую историю она выдумала лишь по одной причине, боялась, что мы заорем: «Хватит собак!» Ведь верно, Лампуша?

Я пошла к чайнику. Ладно, господа, не верите мне, и не надо. Тук-тук-тук – донеслось из центра кухни. Я посмотрела в ту сторону, откуда шел звук, несчастная Ириска в ажиотаже теперь чесалась одновременно четырьмя лапами.

– Никогда не видела собаку в подобной позе! – изумилась Лизавета.

– Если бы тебя паразиты жрали, тоже наизнанку вывернулась бы, – засмеялся Кирюшка.

– Дурак!

– Сама дура!

– Смирно, – гаркнул Костин, – есть молча! А ты, Лампа, вместо того чтобы Мюнхгаузеном работать, отвези несчастного зверя в лечебницу, вон, как мучается.

– А собачьи блохи на людей перебираются? – заинтересовалась Лиза.

– Только на девчонок, – мигом отреагировал Кирюша.

– Почему? – удивилась Лизавета.

– У них кровь вкусная, в ней сахара много!

– Идиот!

– Сама идиотка!

– Замолчите! – велела Юля.

– А он первый начал!

– Ты меня идиотом обозвала.

– Как вам не стыдно, – укорил Костин, – скоро жениться пора, а деретесь, как детсадовцы.

– Кто ж Лизку в загс поведет? – скривился Кирюшка. – Противная больно!

– А с тобой даже крыса жить не захочет!

– Лучше уж лягушка, чем ты.

– Вау, нашелся Иван-царевич!

– Кретинка!

– Дебил!

Вечер потек своим чередом. Мирно переругиваясь, дети доели пельмени и убежали к компьютерам. Боже, благослови того, кто придумал Интернет! С тех пор, как мы разорились на два ноутбука, Лиза с Кирюшкой перестали драться

постоянно, в Сети у каждого есть свои собственные друзья. В последнее время Лизавета с придыханием говорит о некоем Алексее, студенте пятого курса, а Кирюшка постоянно общается с Зузу, участницей мало кому известной поп-группы.

Костин зевнул и ушел в свою квартиру, Сережка побрел в спальню, Юлечка унеслась в ванную, а я собрала грязные тарелки, запихнула их в посудомоечную машину, потом посмотрела на скребущуюся Ириску, взяла ее на руки и, прижав к себе, тихо сказала:

– Ничего, завтра отыщу Жанну, все ей расскажу, и ты снова встретишься с хозяйкой.

Глава 6

Утром я вскочила рано, быстро выгуляла собак, накормила стаю и позвонила в театр «Лео».

– Вас слушают, – ответил старушечий голос.

– Баба Лена?

– Ну я, а это кто?

– Щепкина, – быстро пришла на ум нужная фамилия.

– Ох, Софья Сергевна, – сладко запела баба Лена, – что-то у вас голосок хрипит.

– Мяса мороженого поела.

– Ну и шутница! Чего надоть-то?

– У нас есть адрес Кулаковой?

– Как не быть? В книжке записан.

– А телефон?

– Ясное дело, там же накорябан.

– Говори.

– Чаво?

– Координаты Жанны.

– А вам они к чему?

– Что за неуместное любопытство? – Я изобразила гнев. – Раз требую, значит, надо.

– Хорошо, хорошо, ща пороюсь...

В моем ухе раздалось шуршание, царапанье, чавканье, кашель, потом я услышала относительно членораздельную

речь.

– Во, пяшите, у меня чисто как в аптеке...

Я стала быстро черкать ручкой по бумаге.

– Усё, – подвела итог баба Лена, – севодни тихо тут, ни ково и нетуть. Репетиции не будет, только спектакль, в восемнадцать, напоминаю вам.

– Спасибо, – прошипела я, изображая Щепкину.

– Нема за що, – незлобиво ответила баба Лена и отсоединилась.

Я схватила куртку, ключи от машины и выбежала во двор. Оказывается, Жанна живет совсем недалеко от нас.

Дома Кулаковой не оказалось, я тщетно жала на звонок, никто не спешил крикнуть из квартиры: «Кто там?» Просто-яв бесцельно под дверью около четверти часа, я попыталась соединиться с Жанной по телефону и услышала равнодушно-вежливое: «Абонент временно недоступен».

Жанна дала номер мобильного телефона. Решив не сдаваться, я толкнулась к соседям, хотела поинтересоваться у них, не видели ли они Жанну, но в квартирах справа и слева никого не было, да и понятно почему, нормальные москвичи в десять утра уже тоскуют на службе. Есть, конечно, отдельные счастливые категории граждан, спокойно спящих сейчас под теплыми одеяльцами, но соседи Кулаковой оказались из разряда несчастных работяг.

В подъезде пятиэтажки не было консьержки, плохая по-

года прогнала с лавочки у дверей местных сплетниц, и никто из молодых матерей не гулял с коляской. Посплетничать о Жанне было решительно не с кем!

Признав свое сокрушительное поражение, я вернулась домой, выпила три чашки кофе и решила собрать информацию в театре. Баба Лена сообщила, что репетиции сегодня нет, а спектакль начнется в шесть вечера. Значит, явлюсь в «Лео» около четырех, благо, повод имеется, Батулин вчера предложил мне место гримера, и осторожно порасспрашиваю народ. Кстати! Вдруг Жанна займется на работу, и проблема решится сама собой!

С пола донесся мерный стук, несчастная Ириска продолжала чесаться. Я взяла собачку, завернула ее в шерстяной платок и сказала:

– Ладно, есть время свозить тебя к ветеринару, пусть пропишет лекарство.

Сунув постоянно вздрагивающую Ириску за пазуху, я вышла на улицу, посмотрела на бешено несущийся снег, сугробы, на еле-еледвигающиеся машины и решила ехать на метро.

В ветеринарной клинике не было очереди, и я сразу попала на прием. Толстый добродушный ветеринар, чей халат был украшен беджиком «Самойлов Олег», спросил:

– На что жалуетесь?

– Блохи нас съели, – ответила я, – странно, откуда они в

мороз.

– Ничего непонятного, – отреагировал Олег, – блохи зимуют спокойно у вас в квартире, в ковре кайфуют, на диване, надо дезинфекцию сделать. Сажайте крошку на стол. Так-так... дас-с... это не блохи!

– А кто?

– Похоже на чесотку, – протянул доктор, – надо сделать соскоб и анализ крови. У нас компьютер, результат выдаст сразу.

– Классно, – обрадовалась я, – начинайте.

Спустя четверть часа Самойлов снова позвал нас в кабинет.

– Чесотка, стопроцентно.

– Это лечится?

– Жить будет, а летать нет.

– Вы о чем?

Олег улыбнулся:

– Извините, дурацкая шутка. Естественно, лечится.

– Вот здорово, – обрадовалась я, – а то у нас дома другие собаки есть, я боялась, что они блох подцепят.

Самойлов почесал затылок.

– Чесотка очень заразна.

– Да?

– Кто у вас еще живет?

– Четыре мопса, стаф и двортерьер.

– Всех следует обработать препаратом «Брикс»³, купите в аптеке. Людям надо...

– А мы тут при чем?

Олег снова почесался, на этот раз в районе груди.

– Чесотка крайне легко переходит на человека.

– Ой!

– Достаточно разок погладить больное животное.

– Мама!

Доктор поскребся под подбородком, у меня вдруг зазудело за ушами.

– Вот видите, – резюмировал Олег, – кажется, уже подцепили!

Ириска затрясла левой задней лапой, потом правой, затем свалилась на бок и принялась орудовать всеми четырьмя конечностями.

– Давно у вас собака? – осведомился Самойлов, яростно роясь пальцами в волосах.

– Вчера появилась, – ответила я, ощущая невыносимый зуд в спине.

– Попадаются недобросовестные заводчики, – поежился ветеринар, – готовы больное животное всучить, лишь бы денег срубить. Вот вам рецепты, я тут все написал: пледы, подушки, ковры обработать. Кстати, в отношении игрушек, у ваших животных они есть?

³ Лекарства «Брикс» не существует, чесотку успешно лечат разными средствами, но без консультации врача их применять нельзя.

– Да штук тридцать по всей квартире расшвыряны.

– Понимаете, – загудел Олег, не переставая раздирать ногтями кожу на шее, – вещи следует обрабатывать так: сложить каждый предмет в мешок для мусора, напшикать из баллончика лекарство, быстро завязать горловину и выставить на мороз, через полчаса паразиты – возбудители чесотки погибнут. С игрушками сложнее.

– Их тоже свалить в пакет?

– Нет, нельзя, – покачал головой врач, – в игрушках много всяких выпуклостей и швов, где прячутся клещи. Вообще говоря, следует поступить иначе. Вы, простите, про презервативы слышали?

– Да, – слегка покраснела я, – естественно.

– Приобретите в аптеке суперпрочные, – спокойно пояснил ветеринар, – всуньте игрушки внутрь, обработайте спреем – и на балкон. Резина очень плотно облегает всякие там мячики, косточки и фигурки. Понятно?

– Ага, – кивнула я, взяла дергающуюся Ириску и порысила к метро.

Пока мы с собачкой добрались до аптеки, я почти потеряла сознание от зуда, чесалось все, безостановочно.

Как назло, у прилавка змеилась очередь, я пристроилась в хвост, прижалась спиной к витрине и стала осторожно елозить по стеклу. Товар отпускала медлительная девица, двигавшаяся от шкафчика к шкафчику со скоростью беременного ленивца. Я пыталась прекратить почесываться, но это

оказалось выше моих сил.

– Мамочка, – звонким голосом сказала девочка, стоявшая около меня, – смотри, какая собачка.

– Очень милая, – улыбнулась молодая симпатичная женщина, почти навалившаяся мне на плечо.

– Ой, она трясется.

– Заболела бедняжка, ей сейчас лекарство купят.

– Ой, и тетя дергается.

– Машенька, – напряглась мать, – отойди подальше, тете тоже нездоровится.

– Хочу погладить собачку!

– Она кусается, – соврала я.

Мамаша схватила девочку за руку и переставила за себя.

– Что вам надо? – спросила у меня провизор.

– Презервативы есть? – смущенно поинтересовалась я.

– Да, какие вам нужны?

– Самые прочные.

– Для анального секса?

Очередь с огромным интересом уставилась на меня.

– Так для анального секса? – громко повторила фармацевт.

– Ага, – еле выдавила я из себя.

– Сколько?

– Тридцать штук!

Парень, стоявший за Машей и ее мамой, присвистнул, а потом с легкой завистью заявил:

– Приятный вечерок намечается.

Я хотела было сказать, что приобретаю изделия № 2 не для себя, но решила не оправдываться перед незнакомым юношей. В конце концов, мы теперь живем в свободной стране, и кому какое дело до чужих пристрастий?

– Мама, а что такое анальный секс? – оживилась Маша.

– Кошечка, – засуетилась мать, – ступай к другому прилавку, купи себе гематоген!

Весело подпрыгивая, девочка удалилась.

– Безобразие, что вы себе позволяете, – зашипела мамаша, – при детях!

Я вжала голову в плечи, поджидая, пока провизор-тормоз закончит рыться в ящичках.

– Так она в аптеке презервативы просит, а не в школе, – вступился за меня парень.

– Отвратительно, – мигом ожила стоявшая позади старуха, – подобную продукцию надо продавать после одиннадцати вечера, в специально отведенных местах. Сделать в городе одну точку, и хватит, пусть развратники туда стекаются.

– Вы, мамаша, сами деток имеете? – вступил в разговор мужчина с портфелем.

– А как же, – с достоинством ответила бабка, – двоих воспитала, в люди вышли, теперь вот с внуками нянчусь.

– Вы в капусте наследников нашли?

Старушка захлопала глазами.

– Или аист их принес? – подхватил парень.

Бабка стала медленно превращаться в свеклу.

– Вы о чем?

– Сама хороша была, – хором ответили мужчина и юноша.

– Да я лишь с законным мужем! – заорала бабка. – Все-го-то пару раз и случилось.

Из очереди донеслось хихиканье.

– Бедный дедушка, – сказал чей-то молодой голос.

– Вот ваши презервативы! – гаркнула фармацевт.

– Еще препарат «Брикс», – проблеяла я.

– От вшей, блох или клопов? – проорала провизор.

– Нельзя ли потише? – взмолилась я и стала чесаться.

Очередь шарахнулась назад, между мною и мамой Маши образовалось свободное пространство.

– Вши, блохи или клопы?

– Э... э... чесотка.

– Пойдем домой, Машенька! – заорала женщина.

– И мне недосуг, – юркнул к двери парень.

– Есть комплексное средство от кожных паразитов! – визжала провизор.

Не говоря ни слова, старушонка метнулась к выходу, за ней быстрым шагом устремились остальные покупатели, остался лишь дядька с портфелем.

– Давайте, – быстро согласилась я, – еще спрей для обработки одежды и мебели.

Провизорша начала почесывать нос, потом ухо, подбородок, затем повернула голову в сторону служебного помеще-

ния и завопила так, что на прилавке зазвякали пузырьки:

– Анна Ивановна!!!

Из глубин аптеки высунулась растрепанная старушка.

– Что случилось?

– Вытрите прилавок и вымойте пол в зале, к нам пришел чесоточный покупатель!

Дядька с портфелем начал скрести шею, потом полез рукой за пазуху, затем отступил к двери и одним прыжком исчез на улице.

– Почему вы так вопите? – возмутилась я.

– Кто вопит? – удивилась продавщица, яростно ковыряя макушку. – Забирайте дезинфекцию, соблюдайте инструкцию, там все четко указано.

Притащив домой большой мешок, набитый баллончиками и тубиками, я посмотрела на часы и решила быстренько произвести санобработку. Если честно, крохотная, симпатичная Ириска понравилась мне безумно, да и я пришлась собачке по душе, всю дорогу она лизала мою руку и тыкалась в ладонь холодным носом.

Мопсы встретили нас счастливым лаем, я осторожно посадила Ириску на пол, та незамедлительно заработала лапами. Муля понюхала новую подругу, села рядом и тоже затрясла нижней конечностью, дальше, как по команде, то же самое сделали сначала Феня, потом Ада, Капа, за ними Рейчел, лишь Рамик не принял участия в общей забаве, отошел в сторонку, сел у окна и с интересом принялся наблюдать за

подругами. Я оцепенела, похоже, зараза распространяется со скоростью тайфуна. В ту же секунду у меня засвербило между лопатками. Извиваясь как змея, я попыталась дотянуться до нужного места, потерпела неудачу, и сообразила, как нужно действовать. Прижалась спиной к косяку двери и стала сладострастно елозить позвоночником по выступающему углу. Некоторое время в кухне царила полнейшая тишина, прерываемая лишь моими счастливыми стонами и сопением мопсик. Потом мне стало смешно, право, изумительная компания, хозяйка, словно свинка у забора, а собачки ей под стать.

Огромным усилием воли отлепившись от косяка, я воскликнула:

– Сейчас живо избавимся от чесухи, времени мало, нужно торопиться!

Я схватила за мешок с баллончиками, и через час на нашем балконе выстроились в ряд пластиковые пакеты, набитые пледами, подушками и всякими тряпками. Тяжелее всего пришлось с игрушками, каждую требовалось впихнуть в презерватив, но я была полна желаний раз и навсегда избавиться от гадких клещей и четко выполнила все указания ветеринара, не забывая при этом смотреть в инструкцию.

Слегка устав, я выпила чашечку кофе и принялась за собак. Жидкость, которую следовало втирать в их кожу, оказалась маслянистой. И потом, владельцы так называемых гладкошерстных псов меня поймут, как дорыться у этих собак

до голой шкуры? Крепкие короткие волоски покрывают тело мопсов, словно панцирь, и я окончательно измучилась, поливая Мулю, Феню, Капу, Аду и Рейчел дезинфекцией. В результате все члены стаи превратились в жирные, масляные оладьи, а Ириска и Рамик походили на грязных баранов, с их спин теперь свисали «сосульки».

– Да уж, – вздохнула я, обозрев результат своего поистине титанического труда. – Эй, Ада, не лижи Мулю! Феня, отойди от Капы.

Куда там, никто не собирался меня слушать, собаки очень хотели как можно быстрее «умыть» друг друга, но ведь на упаковке лекарства стояло четкое предупреждение: «Ядовито. Использовать как наружное средство».

Поколебавшись секунду, я нашла выход из положения. Аду запихнула в комнату к Кириюше, Мулю поместила к Лизе, Рейчел – к Сережке и Юлечке, Феню заперла в гостиной, Капу на кухне, Рамика втокнула в Катину спальню, а Ириску оттащила к себе. Все двери у нас открываются внутрь комнат, поэтому псы были лишены возможности самостоятельно выбраться из них.

Придя в восторг от собственной сообразительности, я схватила ведро, бросила в воду большую таблетку из упаковки с надписью: «Киллер» – и начала безостановочно чихать. От получившегося раствора интенсивно пахло какой-то гадостью. Но делать нечего, я опустила в жидкость тряпку, но впопыхах забыла надеть резиновые перчатки и, закончив

мытьё полов, насторожилась: кисти рук стали красными и шершавыми. Я пошла было в ванную за кремом, но тут увидела часы и ахнула, с ума сойти, мне давно следовало быть в театре.

Забыв про крем, я натянула куртку, всунула ноги в сапоги и понеслась к метро, на ходу обдумывая линию поведения.

Баба Лена сидела на своем же месте, уткнув нос в журнал.

– Вы куда? – прогудела она.

– К Батурину, – ответила я.

– Зачем?

– На работу наниматься.

Старушка подняла голову, в ее глазах мелькнул неприкрытый испуг.

– Кем?

– Актрисой, – улыбнулась я.

Баба Лена отложила журнал.

– Не ври-ка! А то я не знаю, как девки выглядят, говори правду, вторым вахтером посадить тебя хотят? Ты лучше сразу уходи! Служба собачья, все вокруг шнырь-шнырь, оруть и визжать. Ни сна ни отдыха, один гундеж, голова потом раскалывается. Зарплата – кот чихнул, я тут почему сижу? Мне два оклада дают, а тебе половину отсыпать...

– Не волнуйтесь, – решила я утешить бабушку, – на ваше место я не претендую, в гримеры нанимаюсь.

– А-а-а, – протянула бабулька, – ступай во вторую комна-

ту, там Батурин сидит – горюет.

– Что-то случилось? – решила я разговорить бабу, но та уже уткнулась в глянцевоe издание, забыв обо всем на свете.

Глава 7

Юлий и впрямь выглядел не лучшим образом, под глазами у него темнели круги, верхние веки опухли, под нижними появились «мешки».

– Пришла? – хмуро спросил он.

Я кивнула.

– Готова работать?

– Конечно.

– Документы.

Я положила перед Батуриным паспорт и диплом консерватории.

– А где трудовая книжка и свидетельство об окончании курсов визажистов-гримеров?

– Ой, простите, завтра принесу.

– Ладно, – вдруг подобрел Батурин, – можешь начинать.

Условия царские – работаешь каждый день, выходной один, плавающий, оклад семьсот рублей.

– Сколько?!!

Юлий улыбнулся:

– Сказал же, райское место! Целых семь сотен за ерунду, лучше службы не найти. Кстати, в буфете скидка и в твои ящики с косметикой никто не лезет, закупай что надо за наш счет. Согласна?

Если бы я на самом деле решила устроиться визажистом,

то моментально унеслась бы прочь из «Лео» с его «царскими» условиями. Работать шесть дней в неделю за семьсот рублей в месяц! Ну и ну! Теперь понятно, отчего в театре дефицит гримеров.

– Так как? – весьма недовольно поторопил меня Юлий. – Да – да, нет – нет, поживей определяйся.

– Большое спасибо, я согласна.

Юлий хлопнул кулаком по столу.

– Пиши заявление, заполняй анкету и дуй в девятую комнату, там Галя сидит, завцехом бутафории и реквизита, поступаешь под ее начало.

Галя оказалась женщиной необъятной толщины.

– Хорошо бы ты у нас до лета проработала, – одышливо просопела она.

– Так до июня всего ничего осталось, – улыбнулась я.

Галя вздохнула, окинула меня настороженным взглядом и поинтересовалась:

– И где ты служила?

– На радио, – брякнула я, – «Бум» называется, там руководство сменилось, нас вон выгнали и новых сотрудников набрали.

– Ладно, – кивнула Галя, совершенно не удивившись тому, что на радиостанции потребовался специалист по макияжу, – на своем работать будешь?

– Вы о чем?

– Косметику принесла?

– Нет.

– Ну тогда бери вон тот чемоданчик и ступай к Щепкиной, – неожиданно весело улыбнулась Галя, – у нас по штату три гримера, реально есть одна Олеся, теперь еще ты. Наши актеры в основном сами справляются, но бывает грим сложный, как в пьесе «Собака-вождь», вообще чума! И, кроме того, есть дамы, не желающие лично прикасаться к краскам. Значит, тебе работать со Щепкиной! Сейчас шлепай к Софье, да будь осторожна.

– В каком смысле? – поинтересовалась я, взяв обшарпанный, довольно тяжелый чемоданчик.

– Если не хочешь, чтобы завтра о тебе весь театр судачил, ничего ей о себе не рассказывай, – улыбнулась Галина, – упаси бог хоть слово о семье сказать, пожалеешь потом, да поздно! Ясно?

Я кивнула и отправилась на поиски примы.

Софья, одетая в ярко-красное, расшитое золотом платье, сидела на стуле перед большим зеркалом.

– Вы кто? – недовольно сморщилась она, увидав меня на пороге. – Что за бесцеремонность? Отчего без стука врываетесь?

– Извините, я только что принята на работу гримершей, еще всех порядков не знаю, – потупилась я.

Щепкина закатила глаза.

– О боже, снова новенькая.

- Да, простите.
- Надоело до смерти!
- Понимаю.
- Ну сколько можно сотрудников менять!
- Верно.
- Опять вам все объяснять надо!
- Право, я не виновата.

Софья сказала:

– Ладно, потом убью Батурина. Давайте знакомиться – Щепкина, родственница того самого Щепкина, Михаила Семеновича, отца российского театра! Слышала, надеюсь, это прославленное имя?

Я закивала.

– Конечно, конечно.

– Ника Оболенская будет вам говорить, что является потомком известных князей, не верьте ей. Фамилия Ники в девичестве Крошкина, Оболенской она по первому мужу стала, нет в ней благородной крови, а вот во мне гены великого трагика, талант в нашей семье переходит по наследству. Чего стоишь столбом? Начинай причесывать и гримировать, не хлопай глазами. Знаешь, какой спектакль сегодня?

– Нет, – проблеяла я.

– «Анна Фифаль», поняла?

– Э... э... ну... в общем!

Щепкина схватила тощими ручонками за виски.

– О боги! «Анна Фифаль» – пьеса, рассказывающая о жиз-

ни Анны Фифаль. Усекла?

– Да.

– Я играю ее младшую сестру, женщину тридцати лет, я никогда не скрывала своего возраста, честно признаюсь, мне двадцать восемь, поэтому особого грима не понадобится.

Я подавила смешок, кажется, вчера сия мадам называла иную цифру, вроде речь шла о тридцати двух годах.

– Ну, приступай, – заерзала на стуле Софья.

И тут только до меня дошло: сейчас придется гримировать актрису! Но я не умею делать ничего подобного!

– Впрочем, сначала причеши парик, – велела Софья, – а я пока покурю. Ты не против поболтать?

– А где парик? – спросила я.

– Так на болване, – ткнула рукой в сторону подоконника Щепкина и добавила: – Где-то я тебя встречала... Лицо знакомое!

Я подошла к окну, сняла парик с подставки, схватила расческу и, кое-как приглаживая пряди, ответила:

– Я сидела в гримерке вчера, у Жанны, а вы туда зашли.

Глаза Софьи вспыхнули огнем.

– Значит, знаешь, что у нас случилось?

– Актриса на сцене умерла, – проямлила я, – говорят, сердечный приступ!

Софья заломила руки.

– Сейчас все объясню! Только скажи: ты знакома с Жанной?

– Мы в одном подъезде живем, – соврала я.

– Ага, – подпрыгнула Щепкина, – сейчас про твою соседку такое тебе сообщу! Она ведь не замужем!

– Точно не знаю.

– Я не спрашиваю, а уточняю: супруга у Жанки нет! Да хватит волосы драть, лучше посиди покури и меня послушай!

Из покрашенного ротика Софьи Сергеевны потоком полились сплетни, я села на квадратную табуретку и превратилась в огромное ухо. Надо же, как мне феерически повезло, Софья относится к породе самозабвенных сплетниц, которым жизненно необходим молча внимающий им индивидуум. От слушателя даже не требуется реакции, любое словечко, оброненное им, обозлит Щепкину до полусмерти, тут главное – кивать и изредка произносить нечто типа:

– Да ну? Не может быть! Вот так ситуация!

Появившись в театре, Жанна, по словам Щепкиной, сразу попыталась отвоевать себе место под солнцем. Но не тут-то было, в «Лео» существуют две враждующие группировки, одна, под руководством Софьи Сергеевны, терпеть не может главного режиссера Валерия Арнольского, другая, где предводительствует Ника Оболенская, ненавидит директора, Юлия Батурина. Только не подумайте, что за кулисами идет война с применением оружия. Нет, все очень красиво, члены коллектива мило улыбаются друг другу, чмокают в

щечку, говорят комплименты, но втихаря гадят коллегам в меру фантазии. Шуточки случаются разные.

То в чашку, из которой по ходу действия должна пить героиня, вместо воды нальют чистый лимонный сок, то поменяют обувь или испачкают костюм. Один раз Лену Ромину заперли в гримерке, и она опоздала на выход. Мелочь, конечно, но радует душу.

Впрочем, делались и более крупные пакости. Очередная постановка Валерия Арнольского была в пух и прах разнесена в газетах критиком Федором Тарасовым. Ника Оболенская подозревала, что борзописцу заплатила Щепкина, но как доказать сей факт? В общем, не зря иногда театральные коллективы называют клубком целующихся змей.

Жанна по наивности не разобралась в ситуации, она проработала в труппе всего месяц, когда Арнольский начал распределять роли в новой постановке. Семнадцатилетнюю главную героиню предстояло сыграть Щепкиной, ее двадцатилетнюю подружку – Нике Оболенской, которой, мягко говоря, за сорок, а Жанночке досталась тетушка шестидесяти лет, выходящая на сцену в самом конце спектакля. Кулаковой по роли следовало помахать платком и трагически воскликнуть:

– Уехали.

Все, занавес! Жанна дождалась конца заседания и побежала к Арнольскому.

– Право смешно мне изображать старуху, – с жаром за-

явила глупышка, – пусть уж ее Оболенская сыграет, ей как раз по возрасту!

Этот идиотский поступок можно объяснить лишь крайней наивностью Кулаковой и ее страстным желанием исполнить одну из главных ролей в спектакле. Жанна и не подозревала о том, что Ника Оболенская одно время жила с Арнольским и, разойдясь с ним, сохранила с режиссером великолепные отношения. Именно по этой причине Нике до сих пор доставались самые выгодные роли.

– У вас, деточка, нет должного опыта, – нахмурился Арнольский, – нужно сначала проявить себя на небольших выходах.

– Но я по возрасту больше подхожу, – не успокаивалась Жанна, – ладно, могу попытаться сыграть то, что вы предложили Софье Сергеевне.

Арнольский вздернул брови, а потом выставил нахалку из кабинета. Естественно, режиссер сообщил о разговоре Нике, а та разболтала подробности Соне. Хоть Щепкина с Оболенской и ненавидят друг друга, в некоторые моменты дамы объединяются, и тогда тому, против которого они собрались дружить, следует быстро заказывать венки на собственные похороны.

В результате Жанне объявил бойкот почти весь коллектив, ей делали пакости с особым удовольствием и «щепкинские», и «оболенские». Единственной актрисой, с которой у Жанны неожиданно сложились очень хорошие отношения,

была Тина Бурская. Она по непонятной причине взяла Жанночку под крыло, всячески демонстрировала свою любовь к ней, и именно из-за этой дружбы Кулакову держали в театре. Дело в том, что супруг Бурской, очень богатый человек, являлся щедрым спонсором «Лео», и ни Арнольский, ни Батурин не хотели ссориться с меценатом. Тина мигом показала зубы директору и режиссеру, когда те надумали избавиться от Жанны.

Распределяя роли в очередном спектакле, Арнольский демонстративно не заметил Кулакову, ей не досталось даже крохотного прохода. На следующий день Тина вошла в кабинет к главрежу и, закатив глазки, простонала:

– О-о-о, Валерий, у Семена Петровича сейчас трудно с деньгами, он никак не может помочь нам с оплатой декораций.

– Да? – расстроился Арнольский. – Вот беда-то!

– А я собралась на недельку в Эмираты скатать, – продолжала Бурская, – можно?

– Тебе – что угодно, дорогая.

– Отлично, отпусти заодно и Жанну.

– Кулакову? Но зачем?

– Мы же подруги, – засмеялась Тина, – ты разве не знал? Жанночка вчера так расстроилась, что ей роли не досталось! Весь вечер у нас в гостиной плакала, вот Семен и предложил: «Езжайте, девочки, развлекитесь, а пьесы еще будут».

Валерий усвоил урок, Жанна получила свой выход, а Се-

мен Петрович оплатил декорации. Пришлось и Софье с Никой поджать хвосты, Бурская существовала в театре на особом положении, с ней следовало находиться в хороших отношениях.

Щепкина остановилась, схватила пачку сигарет и спросила:

– Понятно?

– Да-да, – закивала я.

– Так это еще не все! – азартно воскликнула сплетница. – Конечно, муж Бурской – набитый золотом мешок, все у него есть: загородный дом, машина, счет в банке. Ну за каким чертом Вальке при полном отсутствии таланта требовалась сцена? Сидела бы на своей Рублево-Успенской дороге спокойно! Нет, тянуло ее в театр! И еще: у Вальки был любовник.

– Да ну?

– Точно. Павел Закревский.

– Тоже артист?

– Ха-ха! Нет! Стилист. Якобы. А на самом деле альфонс, Павлик по богатым бабам отирается.

Я снова замерла на табуретке. Никакой шокирующей информации Щепкина мне не сообщила. Во все времена при богатых не очень молодых дамах существовали мальчишки. Не надо думать, что жиголо – явление только нашего времени. Я очень хорошо помню, как мы с мамочкой, прогуливаясь по фойе Большого театра, налетели на певицу Раскину,

шестидесятилетнюю особу в ярко-красном, слишком обтягивающем ее пышные формы костюме.

Дива бросилась целовать маму, я деликатно стояла в стороне, а чуть поодаль от Раскиной топтался юноша лет двадцати. Я решила, что это сын примы, и вежливо улыбнулась ему, но парень вдруг резко повернулся ко мне спиной. Сочтя юного Раскина крайне плохо воспитанным человеком, я стала смотреть на маму, которой наконец-то удалось вырваться из крепких объятий певички.

– Знакомьтесь, – воскликнула мама, – это Фросенька.

– Боже, – густым меццо-сопрано воскликнула Раскина, – как выросла ваша дочь!

Своего сына, однако, она нам не представила. Заняв кресло в ложе, я не утерпела и сказала маме:

– У этой Раскиной совершенно неотесанный сын, отвернулся от меня букой, надулся. Ни слова не сказал, даже если я ему столь не понравилась, следовало все же хоть изобразить хорошую мину.

Щеки мамули порозовели.

– Мальчик не сын певицы.

– А кто?

– Секретарь.

– Зачем он ей?

Мама закашлялась, а потом сказала:

– Раскина много гастролирует, не может же она сама договариваться о всяких мелочах.

Я сочла это объяснение исчерпывающим, но на следующий день, явившись в консерваторию, рассказала о неучтеном парне своей однокласснице Любе Калашниковой. Та, тихо хихикая, ответила:

– Секретарь! Как бы не так! Ты, Фроська, просто первый день творения! Спит он с Раскиной, она его кормит, поит, одевает – в общем, содержит в обмен на сама понимаешь что. С Раскиной вечно альфонс таскается, когда надоест, она его меняет, нового заводит, недостатка в претендентах нет.

Поэтому история, услышанная сейчас от Щепкиной, меня совершенно не удивила. Тина Бурская держала около себя Павлика, очевидно, занятый по горло Семен Петрович не уделял жене должного внимания, вот та и завела кавалера. Павел, по словам Щепкиной, прибыл в Москву неизвестно откуда с желанием открыть в столице салон красоты. Скоро провинциальный мальчик понял, что денег у него на подобное заведение нет, а работать на чужого дядю он не хотел. Каким-то образом симпатичный паренек ухитрился попасть на вечеринку, где собрались звезды театра и шоу-бизнеса, там его и подобрала Тина. Она купила кавалеру квартиру, машину и стала усиленно рекомендовать юношу знакомым. Похоже, Бурская не на шутку влюбилась в Павла, потому что таскала его везде с собой, абсолютно не стесняясь, обнималась с ним, всячески демонстрируя присутствующим: сей котик мой! Непонятно, почему до Семена Петровича не доползли слухи о том, что он уже давно украшен ветвистыми рогами.

Тина и Павлик не скрывались, вместе уезжали после спектакля, вызывая у Ники и Софьи приступы злобы. Не надо думать, что Щепкина и Оболенская вели аскетический образ жизни, но откровенная похотливость Бурской их бесила, в конце концов, следует соблюдать приличия.

Глава 8

Потом Бурская подружилась с Жанной, и театр замер в предвкушении конфликта, всем сразу стало понятно: Павлик нравится Кулаковой. Пара Бурская – Закревский превратилась в трио. Две женщины, одна – зрелая, богатая, другая – молодая, красивая и бедная, появлялись под ручку со стилистом, одетым с цыганским шиком. Закревский обожал белые костюмы, золотые цепи, элитный парфюм и спортивные машины.

– Совсем офигела, – удивлялись в театре одни, – ладно, парня содержит, но Кулакова ей зачем?

– Шведская семья у них, – ухмылялись другие, – чего непонятного, всем хорошо.

Щепкина придерживалась второго мнения, но неделю назад ей стало ясно: не все так просто.

В прошлый понедельник Софья Сергеевна задержалась на работе. Сначала у нее лопнули колготки и пришлось ждать, пока шофер привезет из магазина новую пару, а когда она их надела, выяснилось, что автомобиль сломался.

Отметелив шофера, Соня упала на диван, стоявший за ширмой, накрылась пледом и, приказав: «Как только исправят машину, позвоните», приготовилась заснуть.

Но в тот день все шло через пень-колоду. Не успела Соня задремать, как резкий голос Жанны сказал:

– Здесь пусто.

Щепкина хотела возмущенно крикнуть из-за ширмы: «За-чем ты пришла в мою гримерку?» – но тут раздался сладкий тенорок Павлика:

– Да? А где Сонька?

– Она давно ушла.

– Точно?

– Конечно, что ей тут делать. Входи, хоть здесь спокойно поговорим.

Софья Сергеевна замерла от любопытства, а парочка, убе-дившись в отсутствии посторонних, расслабилась.

– Я люблю тебя! – воскликнула Жанна.

– И я тебя, дорогая, – ответил Павел.

– И сколько нам ждать?

– Сама знаешь, мы не властны над ситуацией!

– Боже, какая она собственница!

– Это слишком резко.

– Не отпускает тебя.

– Ну, ее тоже можно понять.

– Нет, собака на сене, и сама не «ам» и другим не дам.

– Жанна!!!

– Что? Не нравится?

– Не очень! Она для меня столько сделала.

– Она тебя почти уничтожила.

– Не понял!

– Дурачок, – зашептала Жанна, – ты бы уже давно сумел

подняться, создал бы себе имя, а так... Таскаешься за ней по тусовкам, и все.

– Тина мне клиентов находит!

– Фу! Она тебя при себе держит, отпустить боится, пойми, Тиночка эгоистка. Хороша любовь! Где она раньше была? А-а-а! Вспомни все. Мерзавка!

– Неправда, – мягко сказал Павлик, – и потом, кто прошлое помянет, тому глаз вон. Тина столько для меня сделала!

– Что именно?

– Ну... квартиру.

– Ты всерьез?

– Конечно.

– Это малая толика!

– Но не все, согласишься, делают такие подарки!

– Почему она не купила тебе салон?

– Ну...

– Не мямли!

– Это же очень дорого!

– Сам знаешь, какие у нее деньги!

– Все равно, я не имею права ничего требовать.

– Ошибаешься!

– В чем?

– Знаешь, отчего Тина тебе дело не приобрела? Она боится, что ты встанешь на ноги, будешь самостоятельным, начнешь зарабатывать и в конце концов сделаешь ей ручкой!

Тине выгодно иметь тебя возле себя как собачку на длинном поводке, она боится, что ты осмелеешь, заговоришь, и что тогда?

– Сейчас в тебе говорит злоба. Хотя Тина действительно боится потерять меня, и это понятно.

– Может, и так, – прошептала Жанна, – но я люблю тебя, поцелуй меня.

Воцарилась тишина, потом Павлик воскликнул:

– Все устаканится.

– Когда? – безнадежно спросила Жанна.

– Скоро.

– Когда? – настаивала на четком ответе девушка.

– Ну... может, через год.

– С ума сойти! Хочешь знать правду?

– Какую? – осторожно осведомился Павел.

– Истинную, – выдохнула Жанна, – ту, о которой ты совершенно не хочешь слышать? Мы всегда с тобой будем прятаться и ходить хвостом при Тине, она ловко нас прищучила. Если я поругаюсь с ней, меня из театра выпрут, а уж о тебе я и вовсе молчу, хотя ты в отличие от меня можешь потребовать...

– Не могу.

– Можешь!

– Не могу.

– Трус.

– Нет, просто я люблю Тину.

- А меня?
- И тебя.
- Что же нам делать?
- Ждать.
- Чего?
- Не знаю, – растерянно ответил Павлик.

В этот момент затаившая дыхание Щепкина пошевелила затекшей ногой. В комнате стало очень тихо, потом Жанна прошептала:

- Ты за ширмой смотрел?
- Нет, – еле слышно ответил Закревский.
- Глянь, там кто-то есть.
- Не может быть.
- Там шуршат, господа, мы пропали.

Соня услышала осторожные шаги, моментально свернулась в клубочек и натянула себе на голову одеяло.

- Успокойся, здесь никого нет, – сказал Павлик.
- А это что?
- Плед скомканный.
- Кто-то тут возился!
- Наверное, мыши.
- Фу!
- Ерунда, поехали отсюда!
- Куда?
- Возьмем Тину...
- Опять! Мы не можем никуда пойти вдвоем!

– Тина...

– Ты только о ней думаешь?

– Как же иначе!

– Все, уходи!

– Не злись.

– Убирайся.

– Ладно, – спокойно ответил Павлик, – остынешь – позво-
ни.

Послышался легкий скрип, потом стук, альфонс удалил-
ся.

До слуха Сони донеслись тихие рыдания, шелест и
вскрик, полный тоски и боли:

– Тина, я убью тебя, непременно убью, отравлю. Хватит
мучить нас!

В голосе Жанны было столько страсти, что Соня опять за-
билась под одеяло с головой, мягкие ворсинки полезли в нос,
Щепкина неожиданно чихнула и испугалась. Ей совсем не
хотелось объясняться с Кулаковой, но из-за ширмы не доно-
силось ни звука. Софья Сергеевна помедлила немного, по-
том осторожно слезла с дивана, на цыпочках подошла к шир-
ме и выглянула из-за нее.

В гримерке было пусто, очевидно, выплеснув злобу и гнев,
Жанна ушла, она не услышала чиханья и не поняла, что ее
беседа с Павликом стала достоянием чужих ушей.

– Ну и как тебе эта история? – поинтересовалась Щепки-
на.

– Очень интересно, – промямлила я, – вы уже рассказали ее в милиции?

– Конечно, – с горящим взглядом сказала Софья, – ее ищут.

– Кого?

– Жанну.

– И вы уверены, что это Кулакова отравила Бурскую?

– Сомнений нет, они мужика не поделили, – кивнула Софья, – обычное, скажу тебе, дело, ничего оригинального, почти все пьесы о ревности и смерти, вот хотя бы Шекспир!

– А вдруг Жанна ни при чем?

Щепкина засмеялась:

– Ее весь зал видел, когда она приперла воду.

– Может, это не она на сцену выходила.

Софья Сергеевна ухмыльнулась:

– А кто?

– Насколько я знаю, все участники спектакля в масках?

– Абсолютно справедливо.

– Может, какая-то женщина, переодевшись...

Софья согнулась от смеха.

– Душечка, ты фантазерка. Это же театр! Постороннему человеку на сцену не попасть. И потом, он растеряется, не сумеет правильно выйти, споткнется. Вспомни, Жанну видел много народа.

– Но лицо-то ее было прикрыто маской!

Софья Сергеевна сказала:

– Знаешь, у Жанны такие идиотские, мелкокудрявые во-

лосы, что ее трудно не узнать. Хватит болтать, давай начинай.

Я глубоко вздохнула, расправила парик и с большим трудом нахлобучила его на голову Щепкиной.

– Эй, поосторожней, – завозмущалась актриса.

Я перевела дух, кажется, получилось.

– Теперь подклей.

Я в недоумении уставилась на Софью, что она имеет в виду?

– Приклей вот здесь на висках, сползет, – стала вскипать Щепкина, – ты всегда такая медлительная?

– Ой, простите, я сейчас, – засуетилась я, оглядываясь по сторонам.

Взгляд упал на маленький тюбик с надписью «Клей» в чемоданчике. Обрадовавшись, я схватила тубу и принялась приклеивать фальшивые волосы к коже Щепкиной.

– Ну ничего, – с легким неодобрением отметила Софья Сергеевна, – оставь так, сойдет. Давай грим, тональный крем возьми посветлей.

Вздохнув, словно пловец перед километровой дистанцией, я стала орудовать мазилками. Большинство женщин умеет пользоваться косметикой, вряд ли найдется дама, ни разу в жизни не накрашившая ресниц или не напудрившая нос. Но одно дело украшать собственную мордочку и совсем другое – работать с чужим лицом.

Сначала я старательно растерла по щекам и лбу Щепки-

ной вязкую массу цвета сочного персика.

– У тебя пальцы холодные, – закапризничала Софья.

Я подышала на руки.

– Фу, – отреагировала актриса, – немедленно вытри лапы, живе́й румяна к вискам. Послушай, так я и буду тебе объяснять, что к чему?

– Простите, бога ради, я первый раз вас...

– Ладно, ладно, пудры насыпь.

Я пробежала кисточкой по вискам Щепкиной, комочки дисперсной пыли забились в «гусиные лапки».

– Ну что еще?! – воскликнула Софья. – Губы подрисуй.

– Сейчас, сейчас.

– Хватит пудры.

– Минуточку.

– Да в чем дело?

– Очень некрасиво получилось! – воскликнула я. – Комочки забились в морщины, надо их вытащить или разровнять.

Крохотное личико Щепкиной пошло пятнами.

– Что?!

– Комочки забились в морщинки, – испуганно повторила я.

– Поди вон, – рявкнула Щепкина, – немедленно! Уматывай! Чтоб духу твоего тут не было.

– Извините, я сделала что-то не так? – испуганно сжалась я.

Софья схватила со столика массажную щетку и с силой швырнула ее в меня. Я не успела увернуться, и железные штырьки щетки задели щеку.

– Пшла отсюда, дура! – завизжала Софья.

Перепугавшись почти до обморока, я опрометью кинулась в коридор.

– Мерзавка, – неслось вслед, – нахалка, дрянь! Понабрали неумех, помоечных кошек!

– Что это ее так колбасит? – раздалось рядом.

Я вздрогнула.

– Да не дергайся, – хихикнули сбоку, – я не кусаюсь. Сонька из-за тебя бесится?

– Похоже, да, – ответила я, повернула голову и увидела около себя Алису, ту самую молодую женщину, которая в роковой день смерти Бурской приготовила поднос и чашку с водой.

Первым моим желанием было унести прочь, но, справившись с испугом, я вспомнила, что Алиса видела меня в костюме горничной, с маской на лице и с париком Жанны на голове.

– Ой, у тебя кровь на щеке! – воскликнула реквизитор. – Где поцарапалась-то?

Я осторожно потрогала царапину.

– Щепкина в меня щетку швырнула.

Алиса прищурилась:

– Чем ты королеве не угодила?

– Не понимаю.

– Ты вообще кто?

– Евлампия Романова, можно просто Лампа, новый гри-мер.

– Па-анятненько, – протянула Алиса, – небось слушать ее не стала.

– Ты о чем?

Алиса схватила меня за руку, протащила по коридору, потом впихнула в огромную комнату, забитую самыми неожиданными предметами: гипсовыми бюстами, посудой, книгами, игрушками, постельным бельем и штабелями чемоданов.

– Чаю хочешь? – приветливо предложила реквизитор.

– Можно, – кивнула я.

Алиса отодвинула занавеску, схватила с подоконника тарелку с сушками и жестяную коробку.

– Ты первый день у нас?

– Ага, – кивнула я.

– До этого в театре работала?

– На радио.

– Ну, там, наверное, другие порядки, – задумчиво сказала Алиса, плеская в не слишком чистые кружки кипятков. – Ладно, ща постараюсь ввести тебя в курс дела. Все актеры страшно суеверны, у каждого своя примета, впрочем, есть такие примочки, которые все соблюдают. Про семечки слышала?

– Нет.

– Их лузгать в театре категорически нельзя.

– Почему?

– Сборов не будет.

– Вот глупость!

Алиса улыбнулась:

– Может, оно и так, только на невинные семена подсолнечника и иже с ними наложен запрет. Причем сия примета работает во всех театрах и на многих съемочных площадках. Еще упавшая роль!

– Что?

– Ну если актер уронит бумаги с текстом, который ему предстоит выучить, то надлежит не медля ни секунды сесть на листы. В любом месте! Грязь, лужа, людное, пафосное место, ничто не имеет значения.

– А это зачем?

– Иначе провалишь спектакль.

– Интересно!

Алиса захихикала:

– Да. Это, так сказать, общие правила, потом идут личные заморочки. Имей в виду, актер начинает играть роль прямо в гримерке, одевается, накладывает тон и преобразается. До смешного доходит, когда мы пьесу «Царь всея Руси» ставили, я до одури Льва Барашкова боялась. Он в принципе достаточно милый дядечка, интеллигентный, вежливый, а как в Петра Первого перевоплотится, лучше уноси ноги. Пред-

ставляешь, один раз приволакиваю в гримерку жезл, ну такой атрибут костюма типа посоха, Петр на него опирается. Вламываюсь в комнату, а Барашков уже во всей красе у окна стоит. Я заулыбалась и говорю: «Здрости, Лев Петрович, вот ваша тросточка!»

Алиса ожидала, что актер спокойно протянет руку, но Лев вдруг выкатил круглые, совершенно бешеные глаза да как заорет:

– Кто пустил бабу в покои! Эй, стража, убрать чернавку! Отрубите ей голову, чтоб другим неповадно было в царскую опочивальню входить!

Алиса тогда перепугалась до потери пульса, у Барашкова был жуткий вид.

– Надо же! – воскликнула я.

Алиса махнула рукой:

– За кулисами народ чумовой, нормальных нет! Хуже всего нам, реквизиторам, гримерам и прочим, приходится, потому что по любому поводу мы получить можем. У каждой особи свой прибамбах. Карлин, например, требует, чтобы гример его перед выходом на сцену перекрестил, причем стоя в одном, строго определенном месте: у пожарной лестницы. Мартова может в обморок упасть, если в руках красную расческу увидит, по ее мнению, это верный признак предстоящего провала. Если гример или костюмер годами в одном коллективе работает, то он, конечно, все задвижки актеров великолепно изучит и постарается не попасть впросак.

Но у нас-то текучка! Никому неохота за гроши ломаться, поэтому каждый божий день здесь пляска с дракой. В воскресенье Лидочка, она на твоём месте служила, Евгению Ошуркову вместо чая перед спектаклем кофе принесла. Женя чуть в обморок не упал, еле-еле на сцену выполз, ну и, ясное дело, сыграл хуже некуда.

После спектакля Ошурков схватил Батурина и завизжал:

– Что я мальчик! Двадцать лет на сцене, а сегодня провалился! Уволить Лидку! Знаете ведь – мне кофе за кулисами пить нельзя, точно ссыплюсь.

Никакие уговоры Юлия на него не подействовали.

– Или я, или она, – твердил Евгений, пришлось Лидочке покинуть театр.

Я вздохнула, теперь понятно, отчего Юлий не стал особенно интересоваться моими документами, директор хорошо знает: примерша в коллективе долго не задержится. Ну с какой радости тратить время на проверку новой сотрудницы, если она «проживет» в театре пару недель?

– Лидуську выперли, а чем она виновата была? Ее никто про кофе не предупредил, – грустно продолжала Алиса.

– Но я красных расчесок в руках не держала, а семечки не люблю!

– Небось не стала Щепкину слушать, – перебила меня Алиса, – у Соньки свой прибамбах, ей необходимо перед спектаклем выговориться, схватит человека, посадит рядом

и давай сплетни мыть. Впрочем, это даже интересно, но утомительно, притом следует молчать, не шевелиться, а на каждый вопрос нашей звезды: «Ты меня слушаешь?», необходимо давать ответ: «С огромным интересом!» Она натреплется и сама остановится.

– Так я и поступила, очень внимательно ее выслушала! А потом взялась за грим!

– Чем же ей не угодила? – удивилась Алиса. – Щетка у Соньки признак крайней злобы!

– Понятия не имею.

– Ну-ка вспомни последовательность событий.

– Сначала она про Жанну рассказывала, про смерть Бурской.

– Да уж, – скривилась Алиса, – ситуация, однако! Очень странная!

– Почему? – насторожилась я.

Реквизитор налила себе еще кипятка в чашку.

– Понимаешь, – протянула она, – вода и посуда моя забота. Кулакова подходит к кулисе, а там, на столике, уже все готово, причем народ знает – это для сцены, брать нельзя. Для этого и столик поставили, что на нем стоит – не трогают, правило соблюдают свято, иначе спектакль тормознуться может. Нужен, допустим зонт, а его кто-то уволок, за новым бежать уже времени нет, поэтому народу в голову четко вложено: со стола ничего не хапать, там частенько харчи лежат, по ходу действия актеры едят.

– По-настоящему? – заинтересовалась я.

– Конечно.

– А если не хочется?

Алиса тихонько засмеялась.

– Такого не случается, и пьют по-взаправдашнему.

– Спиртное?!

Алиса покачала головой:

– Вот это единственный момент, когда в бутылке туфта: коньяк – крепкий чай, водка – минералка без газа. Шампанское, правда, частенько натуральное, его иногда по ходу действия прямо на сцене открывают, пена должна из горлышка бить. Значит, про столик ты поняла?

– Конечно, – закивала я, – неприкосновенный запас.

– Верно, – улыбнулась Алиса, – в день, когда Бурская умерла, я все чин-чинарем приготовила. Тина дико капризная, хоть о покойниках плохо не говорят, но ведь это чистая правда!

Я сжала в руках чашку с остатками чая и попыталась изобразить на лице вежливую заинтересованность, спрятав в глубине души неумемное любопытство.

Глава 9

Спектакль под названием «Маска души» в театре играли раз в неделю, и Алиса четко усекла: избалованная Бурская будет скандалить, если ей на сцене придется выпить газированную воду или минералку отечественного производства.

Уж каким нюхом Тина чуяла воду, как она говорила, «из Москвы-реки», Алиса не понимала, но Бурская не ошибалась никогда. Один раз реквизитор в ужасе поняла, что ящик с импортной водицей пуст, и поступила не слишком красиво, купила в буфете самую обычную минералку, налила ее в пустую тару из-под дорогущего швейцарского напитка и, налив воды в чашку, демонстративно оставила импортную бутылку на тумбочке.

– Что за дерьмо меня принудили выпить, – затопала ногами Бурская после окончания второго акта, – печень чуть в ней не растворилась, теперь тошнит!

Хорошо зная капризный нрав актрисы, Алиса сделала самые наивные глаза.

– Это ваша любимая.

– Нет, – гаркнула Тина, – это дерьмо!

– Вот же бутылка! – не сдалась реквизитор.

Бурская схватила емкость, повертела в руках, понюхала горлышко и заявила:

– Тара родная, а содержимое из болота. Где брала водич-

ку?

– Там... э... в магазине.

– Больше не ходи туда, – неожиданно спокойно сказала Тина, – там обманывают.

После этого случая Алиса всегда держала большой запас минералки специально для привередливой Тины. На вкус реквизиторши вся вода одинаковая, но у Бурской было другое мнение по этому вопросу.

В день, когда случилось несчастье, Алиса подошла к Жанне, исполнявшей крохотную роль горничной, хотела дать ей поднос и ахнула. Какая-то дрянь, несмотря на строгий запрет, уволокла с тумбочки воду под названием «Дуар»⁴.

– Сейчас, сейчас, погоди, – засуетилась Алиса и опрометью кинулась в реквизиторскую.

Но как она ни торопилась, путь туда-сюда занял не одну минуту. Когда Алиса неслась назад, она уже понимала, что безнадежно опоздала. Страшно было представить, какой скандал устроит Жанна, которой пришлось нервничать в кулисе, а потом выходить на сцену, так и не дождавшись воды.

Злая Алиса дошла до столика и потеряла остатки самообладания, там стояла пустая бутылочка из-под самой затрапезной минералки, Жанна откуда-то раздобыла пластиковую упаковку и, не зная привычек Бурской, ничтоже сумняшеся наполнив чашку, поволокла ее баронессе.

⁴ Автор искренне надеется, что воды под названием «Дуар» нет в продаже. «Дуар» – выдуманный бренд. Любые совпадения случайны.

– Бутылочка была на столике, – вырвалось у меня.

– А ты откуда знаешь? – изумилась Алиса.

– Ну... я случайно там оказалась, – залепетала я, – бродила по театру вчера, знакомилась с обстановкой... Видела, как ты побежала по коридору, а потом оборачиваюсь – минералка на столе. Пить захотела, спросила у какой-то тетки: «Это чья вода?..» – Я замолчала, понимая, что ложь становится опасной.

Алиса нахмурилась.

– Жанна дура! Думала, никто не догадается! Я хорошо понимаю, как у нее мозги работали. Ну скажи, умно ли при полном зале подавать чашку с ядом?

– Глупо, – согласилась я, – Кулакова тут ни при чем.

– А вот и ошибаешься, – воскликнула Алиса, – знаешь, как дело обстояло?

Я вопросительно уставилась на Алису, а та принялась излагать собственную версию событий.

– «Дуар» она спрятала, подождала, пока я за ней понесусь, вытащила свою бутылочку и наплескала из нее в чашку...

– Зачем?! – перебила я Алису.

– Экая ты несообразительная! В Жанкиной водичке яд имелся! Ну как еще она могла его в мою бутылку подсунуть?

– Но ведь на столике осталась пустая упаковка не из-под «Дуар».

– И что?

– Жанна не знала о привычках Бурской?

– Воду я всегда в чашку наливаю, подаю актрисе поднос с уже готовым реквизитом, она и не смотрит, откуда что льется! – воскликнула Алиса. – Вот сволочь!

– Кто?

– Да Кулакова! Меня ведь она подставить решила, – горячилась реквизитор, – знаю, знаю, какая идейка ей в башку взбрела. Бурская помирает, а Жаннуся наша преспокойненько заявляет: «Я тут ни при чем, вода на тумбочке стояла, ее Алиса всегда наливает, я взяла поднос и пошла как обычно. С чего бы мне столь глупо поступать? Травить Тину при огромном скоплении народа? Вот уж идиотизм, намного легче было ее в гримерке кокнуть, без свидетелей!» Поняла?

– Ну... не совсем.

– Господи! – всплеснула руками Алиса. – Экая ты тупая! Жанна хитрая дрянь, уколошила Бурскую нарочно при всех, чтобы с себя подозрение снять. Дескать, таким образом ни один нормальный человек не поступит. Теперь разобралась? Менты на меня кинуться были должны!

– Очень хитро, – проямлила я.

– Верно.

– И что милиция сделала?

Алиса побарабанила пальцами по столу.

– Пока ничего, только с Батуриным покалякали, насколько я знаю Юлия, он сумеет замазать скандал.

– Ты уверена, что Жанна убийца?

– А кто еще?

– Ну... не знаю!

– По-твоему получается, что я подсыпала яд Тине, – возмутилась Алиса.

– Нет, нет, что ты, я вовсе не это имела в виду, просто за кулисами много всякого народа, кто-то мог незаметно...

– Посторонних во время спектаклей нет!

– Своих полно! Кому-то Бурская досадить могла, – тихо сказала я.

Алиса чихнула.

– Вот черт, кажется, аллергия начинается. Понимаешь, Тина, конечно, была не сахар, так отобрить могла, что по коридору закувыркаешься. Но с нами, с обслуживающим, так сказать, персоналом, вела себя корректно. Да, воду она дерьмом называла и была способна костюмерше за плохо застегнутую блузку вломить, но, с другой стороны, просто так она истерик не закатывала, мы по делу получали. Я ведь хорошо знала, что Тина российскую минералку в рот не возьмет, но ей же приходилось на сцене из чашки по-настоящему пить! Неприятно же, если с души воротит, сама я виновата, раз актриса просит, надо выполнить!

– Зачем нужно было пить? Неужели нельзя понарошку изобразить, ну прикинуться?

Алиса улыбнулась:

– Я, пока в театре работать не начала, тоже так считала. Дескать, эка ерунда, почмокала губами и дело с концом. Только потом поняла, настоящий актер ничего не изобража-

ет, он на сцене живет, перевоплощается в героя, начинает существовать в параллельной реальности, целиком погружается в роль. Из этого состояния его выбивать нельзя. Тебе в училище о таком не рассказывали?

– Нет, – быстро ответила я.

– Конечно, – продолжала Алиса, – есть и реквизитные штуки, ну, допустим, стол накрыт, посередине огромное блюдо с кабаном. Ясное дело, дикая свинья фальшивая, настоящих не напасешься, но остальное-то на тарелках, допустим, хлеб, овощи, настоящие. Актеру так легче, потом Валерий Арнольский требует как можно больше достоверных деталей. Вот, к примеру, в пьесе «Любовь и сон» на диване должна лежать живая кошка. Каким образом заставить животное все действие провести на одном месте, наш главреж не задумывается. Париться по этому поводу моя задача, поэтому водичка подлинная в чашке, а Тина, в общем-то, права была, когда про дерьмо орала.

Но, с другой стороны, Бурская людям много чего хорошего сделала. Кто помог Косте, монтировщику декораций, когда у него дочь заболела? Тина. Договорилась с кем надо, и девочку в лучшей клинике бесплатно прооперировали. Опять же Нюсю-буфетчицу она пожалела, когда та невесть от кого родила, полное приданое младенцу купила – от коляски до пеленок. Деньги она спокойно в долг давала всем, кто ни попросит, и особо на отдаче не настаивала, типа вернешь, когда будут. Конечно, актриски кривились, когда Ти-

не очередная главная роль доставалась, в особенности Ника и Сонька косорылились, шипели по углам: «Бесталанная она». Только неправда это, Тина хорошая профессионалка, и потом, если твой муж, так сказать, генеральный спонсор, неужели в массовке стоять? Кстати, в отличие от Щепкиной Бурская отказывалась играть Джульетту, спокойно поясняла: «Мне не тринадцать лет, пусть молодые это играют». Вот Сонька вечно молодится да изображает нимфеток, не понимает, что смешна! Из-за чего она в тебя щеткой пульнула? Так и не понимаешь? – вернулась к старой теме Алиса.

– Не знаю! Я хотела пудру растушевать, сказала: «Тут комочки в морщинки забились», а она взбесилась, – недоуменно развела я руками.

Алиса схватилась за щеки.

– Комочки в морщинки! Вау, Лампа, ты с ума сошла! У Щепкиной личико пятнадцатилетней барышни, свежее, нежное, абсолютно гладкое!

Я захлопала глазами.

– Вовсе нет! Щеки ее покрывает «сеточка», у глаз глубокие «гусиные лапки».

– Дура ты, – ласково отозвалась Алиса, – ясное дело, Сонька старая обезьяна, сколько ей лет на самом деле – тайна, покрытая мраком. Она-то каждый раз разные цифры называет от двадцати до тридцати пяти. Мадам Щепкина, кстати, она к тому Щепкину никакого отношения не имеет, тратит безумные деньги на «морду лица»: ботокс, подтяжки,

шлифовки, коллагеновые инъекции... Хочет юной девушкой выглядеть, но получается плохо. Ты ее в самое больное место уколола! Комочки в морщинках! Удивительно, что жива осталась. Да уж, нажила ты себе врага!

– Глупо получилось, – пригорюнилась я.

– Язык за кулисами прикуси, – деловито сказала Алиса, – много не болтай, больше слушай, улыбайся и сыпь комплиментами, упаси бог, кому-то правду сказать: «Вы, дорогая, сегодня плохо выглядите, мешки под глазами, щеки на груди лежат».

– Мне такое и в голову не придет!

– Да? А про комочки взбрело.

– Случайно.

– Вот и постарайся больше подобных ляпов не допускать.

– Конечно, конечно, скажи, а почему ты считаешь, что именно Жанна отравила Тину?

– А кто еще? – вытаращилась Алиса. – Врагов у Бурской не было, так, сплетничали потихоньку, обсюсюкивали ее новую шубу или серьги, но ненависти на нее не держали. Вот Нику Оболенскую или Соньку охотники придавить бы нашлись, те жуткие стервы. Только у Жанны достойный повод был!

– Какой? – безнадежно поинтересовалась я, уже зная ответ.

– У Тины ухажер имелся, – пояснила Алиса, – а Жанна его отбить надумала, что еще раз о ее дурости говорит! Небось

не получилось по-хорошему Павлика заполучить, вот и насыпала сопернице яду. Жизнь – покруче театра будет! Она Бурскую отравила, а потом решила спектакль разыграть, позвонила мне утром, в восемь...

– Кто? – подскочила я.

– Кулакова, – пожала плечами Алиса, – на мобильный звякнула сегодня и, словно ничего не случилось, заявляет: «Скажи, Алисик, где ты бронзовую лампу на днях купила? Мне такую же охота!»

Алиса, остолбеневшая от подобной наглости, воскликнула:

– Жанна, ты где?

– В раю, – захихикала девица, – в самом настоящем!

– Тебя ищут!

– Меня? Кто?

– Все! – заорала Алиса. – Милиция для начала.

Кулакова старательно изобразила испуг:

– Что? Менты? Да почему?!

И тут Алису понесло, минут пять она безостановочно орала в трубку и закончила тираду визгом:

– Ты убила Тину.

– Нет, – прошептала Жанна, – ей-богу, не я!

– А кто? – зло спросила Алиса.

– Ну... не я!

– Не смейся, кто горничную играл?

В трубке послышался тихий плач.

– Не виновата я.

– Хватит, – оборвала убийцу Алиса, – лучше не носи чушь.

– Это не я.

– Тебя все видели!

– Это была не я!

– Ой, прекрати, хочешь сказать, что на сцене вместо тебя шуровала некая таинственная особа?

– Нет, то есть да, вернее, нет, – замямлила Жанна.

– Лучше никому более этого не повторяй, – прошипела Алиса, – не позорься!

– Что мне делать? – в голос зарыдала Жанна.

– Не знаю, – честно ответила реквизитор, – тебя по всему городу ищут.

Кулакова швырнула трубку.

– Вот она какая, – возмущалась сейчас Алиса, – наглая, как танк, специально мне звякнула, чтобы разведать, что о ней в театре говорят. Смывась Кулакова, спряталась, на дно ушла, не найти ее теперь.

– Готовность полчаса, – донеслось из динамика. – Алиса, где клетка с попугаем?

– Мамочки, – подхватила реквизитор, – совсем заболталась и про работу забыла.

Я вышла в коридор и принялась бесцельно бродить по служебным помещениям театра, никто не искал примершу, ско-

рей всего, никому не было известно, что Батурин принял меня на работу. Пошатавшись туда-сюда, я поехала домой, плохо понимая, как теперь быть.

Не успела я войти в квартиру, как до слуха долетела нервная трель, которую издавал домашний телефон, я схватила трубку.

– Алло!

– Можно Лампу? – донеслось сквозь треск и писк.

– Я слушаю.

– Это Жанна.

– Ты где? – заорала я.

– Далеко, очень, не в Москве, в поезде.

– Куда едешь?

– Неважно, – еле-еле донеслось из трубки, – зачем ты отравила Бурскую?

– Я? С ума сойти! Мы с ней даже не были знакомы.

– Тогда кто убил Тину?

– Понятия не имею! – завопила я.

– Лампа, – закричала появившаяся на пороге кухни Лиза, – явилась!

Я замахала руками, Лизавета замерла с открытым ртом.

– Значит, ищи убийцу, – шипело из трубки, – нам обеим несдобровать.

– Вернись назад, пойдем к Арнольскому и честно расскажем, как дело было.

– Никогда, он меня выгонит с волчьим билетом, ни в один

театр больше не возьмут, – зарыдала Жанна. – Теперь, когда Тины нет, меня защитить некому!

– Но он и так тебя выгонит, твой побег расценен как признание вины!

– Поэтому ищи убийцу, – рыдала Жанна, – ты-то знаешь, что я ни при чем. Пока буду молчать, забьюсь в норку и подожду! Выяснится правда – вылезу. Но если поиски настоящего убийцы зайдут в тупик или меня, не дай бог, найдут, тогда наплюю на все и расскажу про тебя. Поэтому бери ноги в руки и работай. И не смей говорить, что вместо меня на сцене была, найдешь киллершу – я вернусь и снова работать буду.

– Но...

– Когда я в квартире осталась, – вдруг перебила меня Жанна, – мигрень мою голову пополам перепиливала, я решила лекарство поискать, порылась в тумбочке и увидела твое служебное удостоверение.

– Какое? – удивилась я.

– Агентство «Шерлок», начальник оперативно-следственного отдела Евлампия Романова.

Я хотела было сказать, что конторы давным-давно нет в живых, бордовая книжечка пылится в тумбочке без дела не один месяц, госпожа Романова поменяла профессию, она превратилась в диджея, а сейчас и вовсе тоскует без работы, однако я не успела выдать из себя ни звука, потому что Жанна брякнула:

– Похоже, тебе не впервой заниматься подобным делом! Втравила меня в беду, теперь расхлебывай. Мне нельзя признаваться, что я отравила вместо себя на сцену постороннего человека. Лампа, дорогая, выручай, я не могу потерять театр и не осмелюсь туда вернуться, пока ты не найдешь, кто отравил Тину.

Внезапно мне стало жаль Жанну.

– Ладно, постараюсь, но мне нужна твоя помощь. Где ты находишься?

– Не скажу!

– Но...

– Помни, ты обещала мне помощь, – словно сквозь стену донеслось из трубки, – не найдешь убийцу – я умру, вся жизнь пойдет наперекосяк, рухнет и личное счастье, и актерская карьера. Лампа, моя жизнь полностью зависит от тебя! Быстро скажи: «Даю честное слово помочь Жанне».

Я машинально повторила эту фразу.

– Отлично, – выкрикнула Жанна, – теперь, если меня обманешь, господь тебя накажет, найдет паралич или слепоту!

Глава 10

Последняя фраза наглой актрисульки вызвала у меня бурю негодования, и я застыла с пищашей трубкой у аппарата.

– Лампа, ты офигела? – взревела Лиза.

– Что-то случилось? – вздрогнула я.

– Еще спрашиваешь, – топнула ногой Лизавета, – прихожу домой – тишина! Открываю свою комнату, а там! Сама погляди!

Я машинально пошла за девочкой в ее спальню и ахнула. Белье валяется на полу, выглядит оно ужасно: все в жирных пятнах и пахнет какой-то мерзостью.

– Лиза! Что ты сотворила с одеялом и подушками!

– Это не я, – уперла кулаки в бока девочка, – а запертая тобой тут собака. С какой дури ты всех псов по разным комнатам расшвыряла? Знаешь, как теперь спаленки выглядят? Мой тебе совет, живо убирай, пока наши не вернулись. Ведь знаешь, что псы терпеть не могут, когда их по отдельности запирают и...

Закончить гневный спич девочке не удалось, в коридоре раздался веселый голос Сережки:

– Эй! Есть кто живой?!

– Господи, Муля, – взвизнула Юлечка, – ты где так измалась? Серег, в чем это она?

– Похоже, на мопсиху пролили масло, – ответил муже-

нек. – Фу, какая липкая!

– И воняет! – подхватил Кирюша. – Бензином!

– Не-е, – протянул Сережа, – похоже, керосином!

– Ада точно такая же! – заорала Юля. – И остальные! Где они взяли керосин? Лампа-а-а-а!!!

Я схватила Лизу за руку.

– Пожалуйста, никому не рассказывай про то, что собаки сидели в разных комнатах!

– Но зачем ты их распихала по ним? – понизив тон, спросила девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.